

На правах рукописи

Шкаренков Павел Петрович

**ОБРАЗ ВЛАСТИ
НА РУБЕЖЕ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ОТ ИМПЕРИИ К ВАРВАРСКИМ КОРОЛЕВСТВАМ**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2009

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Биби́ков Михаи́л Вадимович

доктор исторических наук, профессор
Кнабе́ Гео́ргий Степа́нович

доктор исторических наук, профессор
Михайловский Фёдор Александрович

Ведущая организация: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

Защита состоится «15» мая 2009 года в 14 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций **Д 212.198.03** Российского государственного гуманитарного университета по адресу: Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан «___» _____ 2009 года.

Ученый секретарь совета по защите
докторских и кандидатских диссертаций
кандидат исторических наук, доцент

Е.В. Барышева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Начало нового тысячелетия побуждает к размышлениям о смысле истории. Человечество вглядывается в прошлое, чтобы найти в нем знаки будущего. Интерес к изучению прошлого может быть проявлением отвлеченного интереса к истории. Вместе с тем – и это подтверждается множеством появляющихся изо дня в день исторических трудов (от мемуаров до серьезных научных исторических исследований) – данный интерес можно истолковать и как признак напряженного поиска новых ориентиров во все более стремительно меняющемся настоящем. Актуализируется проблема характеристик субъектов исторического действия, степени их самоопределения, самосознания, ответственности. Все более важным становится поиск путей, принципов построения и одновременно задача изучения коммуникативного пространства (во всей его многоплановости и многоуровневости) как в огромной степени определяющего возможности и тенденции исторического движения общества¹.

Однако в конечном итоге пристальное вглядывание в прошлое – необходимый элемент самоутверждения человечества в его новом обретении надежды, почти утраченной в двадцатом веке, принесшем невиданные ранее революционные потрясения и кровавые войны, геноцид и экологический кризис, поставившем народы и каждого человека на грань выживания. В сложившейся ситуации исторический и культурный опыт человечества заставляет нас еще и еще раз обращать взор к переломным эпохам в истории, в частности к протяженной полосе перехода от античности к средним векам. V–VI века представляют особый интерес в связи с тем, что именно с ними связано падение Римской империи, их обычно и называют «эпохой кризиса античной культуры».

«Падение Римской империи» – понятие довольно растяжимое и неопределенное. Начало этого процесса можно относить к социально-политическому кризису III в., когда был установлен режим домината, сопровождавшийся постепенным отказом от полисных традиций. Некоторые исследователи настаивают, что Римская империя пала в 476 году, когда на большей части территории Западной Римской империи сформировались германские романо-варварские королевства. Тем не менее, никто не станет отрицать, что падение Римской империи действительно было самым большим историческим переломом в истории Европы, которая вступила в V в. античной цивилизацией, а вышла из VI в. уже тем миром, который в перспективе станет цивилизацией средневековья². События этого периода, с

¹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; Кнабе Г.С. «Вторая память» Мнемозины // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 3–24; Он же. Жажда тождества. Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М., 2003; Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей–2001. М., 2001. С. 176–198; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003; Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004; Артог Ф. Время и история // Анналы на рубеже веков: антология. М., 2002. С. 147–168.

² О содержании понятия «Поздняя античность», его хронологии и периодизации существует обширная литература: Уколова В.И. Особенности культурной жизни Запада (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 78–97; Она же. Мировоззренческая

одной стороны, создавали новую, отличную от всего предшествующего, политическую и культурную реальность, с другой – требовали иного подхода к осмыслению и изображению этой реальности. Окружающий мир стремительно менялся: на смену монолитной и стабильной политической системе римской государственности заступали разрозненные и политически обособленные варварские королевства, которые, постоянно враждуя между собой, вели римский мир и античную культуру к упадку. Поэтому неслучайно, что проблемы преемственности власти и трансформации римской государственной традиции находятся в последние годы в центре внимания мировой исторической науки. Они рассматриваются в рамках новой политической и новой культурной истории, занимают важное место в современной исторической компаративистике. Исследование процессов формирования нового образа власти в его связи с римской имперской традицией позволяет раскрыть новые аспекты перехода от античности к средневековью, становления средневековой цивилизации Запада, ее государственной компоненты. Исследование носит междисциплинарный характер, позволяющий соединить конкретно-исторические, историко-философские и филолого-лингвистические подходы, и дать компаративный анализ преемственности и новизны в формировании нового образа власти и его риторической фиксации в процессе трансформации постримского, постимперского политического пространства и становления властно-политической структуры средневекового христианского мира.

При переходе от *raх romana* к средневековой Европе непосредственные интеллектуальные связи между уходящим античным миром и складывающимся средневековым по-прежнему являлись основой культурной жизни общества. Нагляднее всего это видно в деятельности выдающихся

борьба в западном средиземноморье на рубеже античности и средневековья // Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М., 1986. С. 9–25; Она же. «Последний римлянин» Бозций. М., 1987; Она же. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989; Она же. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992; Ляпустина Е.В. Поздняя античность – общество в изменении // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность: Сб. ст. М., 2002. С. 31–46; Селунская Н.А. Осень средневековья и поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 13. М., 2004. С. 232–246; Она же. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // ВДИ. 2005. № 1. С. 249–253; Боглов Н.Н. Власть и общество в эпоху поздней античности (к постановке проблемы) // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 161–167; Bowersock G.W., Warren G. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990; Brown P.R.L. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin), 1992; Idem. The World of Late Antiquity: From Marcus Aurelius to Muhammad. L., 1971; Idem. The Making of Late Antiquity. Cambridge (Mass.); L., 1978; Idem. Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley; Los Angeles, 1988; Idem. The study of elites in Late Antiquity // Arethusa. 2000. Vol. 33. № 3. P. 321–346; Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600 / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000; Interpreting Late Antiquity: Essays on the Postclassical World / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (Mass.), 2001; Authority and the Sacred: Aspects of the Christianisation of the Roman World / Ed. P. Brown. Cambridge; N.-Y., 1995; Governanti e intellettuali: popolo di Roma e popolo di dio, I–VI secolo / Ed. P. Brown, L.C. Ruggini, M. Mazza. Torino, 1982; Cameron Av. The Mediterranean World in Late Antiquity, A.D. 395–600. L., 1993; Changing Cultures in Early Byzantium / Ed. Av. Cameron, P. Garnsey. Ashgate, 1996; Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. G. Marasco. Leiden, 2003; Heather P. Goths and Romans 332–489. Oxford, 1991; Idem. State, lordship and community in the West (A.D. 400–600) // Cambridge Ancient History. Vol. XIV. 2001. P. 437–468; Idem. Politics, Propaganda and Empire in the Fourth Century. Liverpool, 2001; Garnsey P., Humfress C. The Evolution of the Late Antique World. Cambridge, 2001.

государственных деятелей, эрудитов и просветителей, главной целью которых было сохранение преемственности античной культурной традиции в условиях постепенного распада античного мира, общей варваризации, упадка культуры и образованности³. Закат Западной Римской империи был закатом великого государства, мощной цивилизации, но не закатом человеческого духа. Рим был не только ареной острейшей политической борьбы, но и «обителью идей», которым предстояло еще завоевать мир. В тот период формировался корпус идей, впоследствии унаследованный средневековьем. Время выдвинуло деятелей крупного интеллектуального масштаба, которые оказали заметное влияние на европейскую культурную традицию.

Смерть Валентиниана III в 455 году отмечает окончание истории Западной Римской империи⁴. Следующие двадцать лет, прошедшие до смещения Ромула Августула, представляют собой всего лишь лишенный величия эпилог этой масштабной исторической драмы⁵. В то самое время, когда императорская власть расписывалась в своей беспомощности, варвары, на основании договоров расселившиеся в Галлии, Испании, Африке, непрерывно ощущали рост своего могущества и влияния. По меньшей мере на целое столетие весь Запад оказался под властью *reges*. Вандалы и вестготы начали наступление, Одоакр нанес последний и решительный удар. Рядом бургунды и свевы пожинали плоды своих усилий и также стремились создать независимые королевства. Конечно, становление нового порядка отнюдь не везде происходит мирно. Однако в итоге, можно сказать, что сопротивление новой власти носило локальный характер, было эпизодическим, причем религиозные причины часто имели гораздо большее значение, нежели политические. Во всяком случае, верность имперским идеалам не пробудила в римлянах массового патриотического чувства и желания оказать варварам организованное сопротивление во имя спасения империи. Хотя, безусловно, политическими и военными событиями реальность не исчерпывается. Необходимо понять, что происходило в сознании римлян, как они воспринимали происшедшие изменения, в какую систему ценностных ориентиров они вписывались.

К 476 году древняя концепция, соединяющая королевскую власть и *barbaritas*, и жестко противопоставляющая их римскому императору, была уже не актуальна⁶. Короли, укрепившись на землях империи и распространив свою власть на римское население, постепенно начинают представляться не правителями какого-то отдельного народа, а суверенами определенной территории, и, стало быть, связи, прежде соединявшие их со своим

³ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989.

⁴ Эта точка зрения принадлежит К.Ф. Штроэкеру (*Stroheker K.F. Der politische Zerfall des römischen Western // Stroheker K.F. Germanentum und Spätantike. Zurich, 1965. S. 88*).

⁵ Из девяти императоров, которые правили на Западе после Валентиниана III, только двое – Антемий и Юлий Непот – были утверждены на Востоке. Единственный, кто проводил достаточно активную политику, это Майориан. Э. Штейн пишет о нем: «Хотя все его усилия оказались тщетными, он, однако, заслуживает, чтобы мы именно его считали последним правителем, обладавшим реальным величием в истории Римского Запада» (*Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. I: De l'État romain à l'État byzantin (284–476). P., 1959. P. 375*).

⁶ Например, *Plin., Pan., 16, 5; 17, 1; 18, 3*.

народом, начинают ослабевать. По мере того, как король все больше и больше осуществлял свою власть над *regnum*, а не над *gens*, позиции его только усиливались. Королевская власть Одоакра, бывшая его личным приобретением, устанавливает нижнюю границу этого процесса. Определенный путь, на который вступила империя после начала варварских вторжений, был уже пройден. Когда империя стремительно рушилась под давлением как внешних, германских факторов, так и внутреннего кризиса, королевская власть, созревшая и окрепшая в долгих контактах с римской цивилизацией, оказалась готова прийти ей на смену. На исходе смутного V века западный мир вновь начал обретать порядок, теперь речь должна была идти о том, чтобы придать ему смысл: после времени активных действий наступало время размышлений и анализа.

В латинской литературе от Сидония Аполлинария до Григория Великого отражается ментальный кризис, переживаемый тогда Западом, в процессе которого вырабатывалось новое осмысление королевской власти. Гении рождаются редко, и также редко появляются новые формы и способы осмысления и описания реальности. Традиции, заложенные античной культурой, продолжают, однако под внешним консерватизмом мы видим, как проступают важнейшие вопросы эпохи. Ведь даже само следование традиции – административный стиль поздней античности, панегирики, придворная поэзия – говорит не столько о недостатке фантазии и воображения, сколько о желании преодолеть и сохранить.

Вопросы, касающиеся образа идеального правителя и развития идеи империи, находятся в центре нашего внимания. Конечно, мы не рассматриваем их строго систематически, в первую очередь потому, что другие это уже сделали до нас, а также потому, что наш интерес вызывает иная сторона дела. Конечно, в данной работе мы будем комментировать тексты, уже не раз становившиеся предметом ученой экзегезы, и не раз затрагивать проблемы, которые вызывали и будут вызывать споры. Главное, по нашему мнению, не в том, чтобы определить, откуда возникла сама идея королевской власти, а в том, чтобы проследить тот диалог, который выдающиеся интеллектуалы V и VI века вели с королями как новыми хозяевами Запада, вкладывая в этот диалог весь свой ум, всю свою писательскую чуткость и, может быть, свое сердце. Чтобы уловить эту чуткость, анализа идей недостаточно, нужно внимательно исследовать словарь каждого автора, вникнуть в тонкости способов выражения мысли, короче говоря, необходимо применить к этим текстам исследовательские методы классической филологии. Если бы мы избрали тематический принцип группировки материала, наше изложение, бесспорно, выиграло бы в ясности, но ушло бы то ощущение подлинной жизни, которое позволяет сохранить хронологический порядок изложения, которому мы следуем.

Объектом исследования является «ментальный горизонт» переходной эпохи, явленный прежде всего в трансформации образа власти, эксплицированного в языке, от лексического до риторико-стилевого уровней, сочинений наиболее репрезентативных представителей интеллектуальной элиты поздней античности второй половины V–VI веков.

Предмет исследования – процесс формирования нового образа власти в его отношении к римской имперской традиции в условиях перехода от античности к средним векам.

Цель работы – исследовать процесс формирования образа короля и королевской власти в сочинениях латинских авторов V–VI веков как важнейшую составляющую нарождающегося средневекового мира в ее отношении к римской имперской традиции. Наше обращение к текстам, уже не раз становившихся объектами внимания исследователей, вызвано отнюдь не желанием описать все превратности истории романо-варварских королевств или институты королевской власти с позиций истории политических и правовых учений, но стремлением понять, что представляла собой королевская власть в восприятии интеллектуалов того времени. Речь идет о том, чтобы показать, каким образом трансформация римской государственной традиции отражается в риторических произведениях, становится элементом языковой реальности и влияет на реальность политическую. Это позволяет точнее увидеть процесс формирования нового образа власти, объяснить взаимосвязь событий и произведений. Используя термин С.С. Аверинцева, мы ставим общую задачу проследить «дисгармонию» сдвига, увидеть эпоху и ее языковое мышление в разнообразии, не в инерции, а в движении.

Сочинения рассматриваемых авторов, в которых формируется образ новой королевской власти на Западе, были своего рода зеркалом культурного и политического сознания и рупором взглядов и чаяний совершенно определенных слоев общества. Поэтому, чтобы охарактеризовать этот образ во всей его многосоставности, мы должны уделить внимание также «экстрадисциплинарным» мотивам и методам. Речь идет, таким образом (при всей осторожности, диктуемой стремлением избежать чересчур поспешных выводов), о следующих **исследовательских задачах**:

- обосновать метод источниковедческого анализа и интерпретации позднеантичных латинских риторических сочинений как исторического источника для изучения мировоззрения конкретного субъекта, идеологии определенной социальной группы, процессов конструирования идентичности позднеантичной интеллектуальной элиты;
- изучить, какие цели стояли перед авторами рассматриваемых сочинений, и как плоды их усилий вписывались в тот конкретный историко-культурный и литературный контекст, которому эти плоды, в конечном счете, были обязаны;
- уяснить, какую функцию выполнял создаваемый образ власти в связи с теми социально-политическими трансформациями, которые были характерны для второй половины V и VI века;
- выявить специфические признаки этого образа;
- определить его место в системе идей, способствующих легитимации формирующегося политического порядка;
- попытаться лучше понять коллективное и индивидуальное сознание эпохи поздней античности посредством рассмотрения

этого образа в его конкретно-историческом социокультурном контексте;

- проанализировать процесс «*translatio imperii*» не как передачу власти или филиацию государственной формы, а как процесс непрерывающегося воспроизведение исторического смысла, универсализма, воплощенного в империи;
- исследовать актуальные для современного исторического знания проблемы политической мифологии и способов репрезентации королевской власти;
- выявить многообразные связи, существовавшие между сочинениями рассматриваемых авторов и идеологией поздней Римской империи и романо-варварских королевств в указанный исторический период, проследить взаимообмен базовыми метафорами, показать роль исследуемых сочинений в государственном идеологическом строительстве романо-варварских королевств;
- исследовать процессы формирования в сообществе позднеримских интеллектуалов позитивных и негативных стереотипов по отношению к имперской традиции;
- раскрыть место и роль рассматриваемых авторов в контексте политической и социокультурной истории латинского Запада второй половины V–VI веков.

Источниковая база исследования и степень научной разработки проблемы. При написании работы использовался весь комплекс источников, необходимых для решения поставленных исследовательских задач. Основными источниками послужили сочинения позднеантичных авторов латинского Запада Сидония Аполлинария, Авита Вьеннского, Эннодия, Флавия Кассиодора, Иордана, Венанция Фортуната, Григория Великого, ко многим из которых в отечественной историографии не обращались никогда. Исключительная судьба поздней Римской империи и романо-варварских королевств со времени утверждения историко-критического метода в работах немецких историков первой половины XIX века всегда вызывала огромный интерес у исследователей в разных сферах научного поиска: круг работ, затрагивающих те или иные аспекты их существования, чрезвычайно широк. Поэтому в диссертации мы рассматривали их по проблемному принципу. При этом вопросы формирования нового образа власти на рубеже античности и средневековья еще никогда не рассматривались во всей полноте как специальный объект исследования, хотя по отдельным аспектам этой темы существует значительное число работ. Характеристике источников, анализу историографии и традиции изучения избранной темы посвящена первая глава диссертационного исследования.

Методологические принципы исследования. При написании диссертационного исследования мы в первую очередь основывались на методологических принципах, концепциях, теоретических моделях и технических приемах, выработанных в рамках компаративной истории, новой культурной и социальной истории, которые в сочетании с традиционными

текстологическими и герменевтическими методами анализа текста позволяют наиболее результативно решить поставленные исследовательские задачи. При написании данной работы мы опирались на концепцию общественно-исторического мифа, разработанную Г.С. Кнабе. Природа общественно-исторического мифа двойственна. С одной стороны, он выступает как сила, гармонизирующая социокультурные противоречия в данное время и в данном социуме. Но, помимо этой синхронной роли, есть у мифа и другая роль – диахронная. Он помогает времени и социуму как бы возвыситься над самими собой, над своими повседневными целями, обнаруживая для себя в них и через них цели и интересы более возвышенные и духовные. Санкцией их возвышенности является историческая память, запечатлевшая образ прошлого созвучный интересам данного времени. Естественно в таком соединении нет никакой сознательной фальсификации: миф является частью культуры усваивающей эпохи, которая раскрывает в эпохе усваиваемой некоторые близкие себе грани. В силу этого усвоения сам исторический материал, откликаясь на эти запросы, выстраивается в соответствии с ними и живет именно как образ исторического прошлого. Конечно, воздействие общественно-исторических мифов на общественную практику обнаруживается особенно отчетливо именно в критические моменты жизни социума. Наследие каждого общества – часть его мифа, а тем самым его история. Историческая действительность вырастает из суммы и взаимодействия обеих сторон – конкретной эмпирии и мифа⁷.

Общественно-исторический миф всегда непосредственно ориентирован на историческую память – коллективную и индивидуальную⁸. При этом миф представляет собой особую универсальную реальность истории, сильнейший регулятор общественного поведения. Мифы возникают вследствие того, что никакое общество не может существовать, если основная масса его граждан не готова подчиняться его законам, следовать его нормам, традициям и обычаям, если не испытывают удовлетворения от принадлежности к нему как к своему миру. Эта готовность имеет своим основанием еще более глубокую интенцию – потребность в солидарности общественного коллектива. Так как сама эта потребность остается непреложной, то возникающий зазор между нею и тем, что реально есть, может быть, если не устранен, то примирен на основании веры в осмысленность общественной организации, к которой человек принадлежит. Образ общества и норма отношений, в которых реализуется такая вера, и составляют общественно-исторический миф.

⁷ О теории общественно-исторического мифа см.: Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. М.–СПб., 2006. С. 416–441; Он же. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. III. М., 1994. С. 590–655; Он же. Жажда тождества. Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М., 2003. С. 10–12; Он же. Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и московский текст русской культуры. М., 1998. С. 176–185; Он же. Булат Окуджава и культурно-историческая мифология. От шестидесятых к девяностым // Вопросы литературы. 2006. № 5. С. 135–167.

⁸ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 20–21.

Кроме того, в данной работе мы активно использовали метод «насыщенного описания», разработанный К. Гирцем, предложившим понимать идеологию как «культурную систему», имеющую по преимуществу метафорическую природу⁹. Из этого следует, что как для историографии в целом, так и – в особенности – для изучения истории романо-варварских королевств существенны не только прямые документальные свидетельства политического мышления и политической практики прошлого, но и те источники, которые, будучи материалами философского, литературного или эстетического характера, ранее привлекались исторической наукой лишь под определенным формальным углом зрения (и лишь с маргинально-познавательными целями). Конкретно же это значит, что для реконструкции менталитета социальных слоев, репрезентативных для определенной эпохи, очень важны не только явления и факты политической жизни, но и художественные стили, архитектурные памятники, произведения литературы, а также сведения о том, как эти феномены воспринимались в свое время¹⁰. Особенно важна предложенная К. Гирцем трактовка «образной природы» (*figurative nature*) идеологического мышления. Фигуративная часть идеологических концепций обычно воспринимается исследователями как своего рода риторическое украшение, средство пропаганды, популяризации или обмана, как более или менее эффектная упаковка для доктрин. К. Гирц полностью пересмотрел этот подход. Для него троп, и в первую очередь метафора, составляет самое ядро идеологического мышления, ибо в тропе идеология осуществляет ту символическую демаркацию социальной среды, которая позволяет коллективу и его членам обжить ее. Сила идеологической метафоры, ее способность схватывать реальность и продуцировать новые смыслы существенным образом сказывается на динамике исторических событий.

В целом, понимание культуры, предложенное К. Гирцем, оказывается достаточно близким формулировкам и определениям, которых придерживались представители московско-тартуской семиотической школы. В 70-е и 80-е годы исследователи этого направления рассматривали литературу и искусство как систему «кодов», которые формировали и организовывали повседневную жизнь реальных людей. Человеческая личность, по их мнению, это продукт отбора, корреляции и символической интерпретации жизненного опыта, то есть структура, принцип организации которой сходен с принципом организации предмета искусства, прежде всего словесного. Отсюда следует, что тексты, прежде всего литературные, оказывают особое влияние на формирование и упорядочение жизни конкретного человека и общества в целом¹¹. Согласно концепции Ю.М. Лотмана повсе-

⁹ Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. N.-Y., 1973. P. 89; Гирц К. *Интерпретация культур*. М., 2004.

¹⁰ В своей более поздней книге К. Гирц охарактеризовал термин «интерпретативный» как эвфемизм слова «герменевтический» (Geertz C. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. L., 1993. P. 21).

¹¹ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. 2-е изд. Л., 1977. С. 6–33. Говоря о философско-методологических основаниях такого подхода, можно провести параллель между идеями семиотики культуры и философией символических форм Эрнста Кассирера, согласно которой язык, миф, исто-

дневное поведение человека может читаться как текст, более того, как реализация культурных кодов, сформировавшихся под непосредственным воздействием литературных текстов. По мнению исследователя, «то, что исторические закономерности реализуют себя не прямо, а через посредство психологических механизмов человека, само по себе есть важнейший механизм истории»¹².

Научная новизна исследования. Научную новизну представляет и сама тема работы, и круг вопросов, поставленных в ней, и интерпретация многих источников, многие из которых впервые в отечественной историографии вводятся в научный оборот, анализ их в свете сформулированных задач, и общие выводы. Представленное диссертационное исследование является одной из первых в отечественной историографии работ, посвященных комплексному изучению духовного наследия «последних римлян», наиболее репрезентативных позднеантичных латинских авторов от Сидония Аполлинария до Григория Великого. Научная новизна исследования заключается также в том, что в ходе работы удалось выйти за рамки традиционного понимания континуитета и дисконтинуитета в культуре, обратив внимание на то, что континуитет не носит характер прямого и непосредственного усвоения, он предполагает переструктурирование и трансформацию культурного материала предшествующей эпохи, делает его «своим», переплавляя порой до внешней неузнаваемости в сочетании с элементами «современной», т.е. существующей в настоящем времени, культуры, которая в свою очередь является становящимся феноменом. В работе доказывается, что своим творчеством «последние римляне» решали задачу, поставленную их временем, которое было одним из узловых пунктов исторического развития, требовавшим синтеза прошлого и интуиции будущего. Под их пером элементы античного знания и политической философии превращаются в строительный материал для новой системы мышления, новой культуры. Они не только охвачены предчувствием этого будущего, но и реально помогают ему взрасти не на вытоптанном поле, но на ниве, подготовленной к посеву сложной духовной работой многих поколений. При анализе исторического сознания новизна заключается в исследовании констант, формирующихся в переходной культуре, которым предстояло стать основаниями нарождающейся средневековой культуры. В этом контексте рассматриваются судьбы риторической традиции, формирование нового образа короля и королевской власти в столкновении с установившимися античными моделями и образцами трактовки образа идеального правителя, трансформацию христианства и его роль в создании нового

рическая и научная мысль, искусство и литература создают, а не отражают то, что называется «реальным миром». Сходные положения мы находим и в философской герменевтике, постулирующей единство подходов к культуре и поведению как к тексту (Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988). Идеи о связи между структурой знания и структурой власти стали одним из источников эпистемологии Мишеля Фуко, который в 60-е – 80-е годы ввел в научный оборот понятия и методы, вдохновившие многочисленные исследования, рассматривающие аспекты человеческого опыта и частной жизни как элементы культуры.

¹² Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х тт. Т. 3. Таллин, 1992. С. 298.

культурного и политического пространства, христианского мира, ставшего основой будущей Европы; попытки создания «универсальных моделей» этого мира и идеальных человеческих типов для него. Показывается, какую роль в процессе становления будущей средневековой Европы играет преемственность, какими путями она может осуществляться. И, в конечном счете, как традиция становится одним из важнейших механизмов формирования европейской культуры, особенно ее ценностных ориентаций. В ходе исследования выявляется, что в многочисленных риторических сочинениях преднамеренно – и при этом с достаточно четкой идейно-смысловой нагрузкой – использовались совершенно определенные «знаковые» стереотипы, т.е. позднеримская риторика являлась хранилищем того, что французы именуют «*mémoire culturelle*» («памятью культуры»), – хранилищем, в котором, помимо всего прочего, нашли себе место (и откуда могли быть почерпнуты для какого-либо иного использования) характерные для римского культурно-политического пространства социально-культурные коды, обусловленные в том числе и теми формами социально-политического менталитета, которые проявлялись в критических откликах на события политической жизни и составляли (в своей совокупности) политическую культуру интеллектуальной элиты римской сенаторской аристократии.

Новизна диссертационного исследования состоит также в постановке проблемы понимания империи не только как определенного типа государственного устройства, но как особого типа организации исторического пространства, его смысла; попытки реализации важнейшей культурной интенции человеческой истории – ее универсализма; империи как горизонта политических, цивилизационных и культурных коммуникаций. Выявлены процессы, определяющие распад империи и существование имперского пространства «после империи». В работе подчеркивается, что процесс «*translatio imperii*» гораздо более сложный, чем передача власти или филиация государственной формы. Это непрекращающееся воспроизведение исторического смысла, универсализма, воплощенного в империи. Это, в частности, доказывается тем, что Римская империя на протяжении всей постримской истории продолжала оставаться важной составной частью фона развития и смыслового горизонта европейской, а в значительной степени и мировой цивилизации.

Уже само рассмотрение творческого наследия позднеримских интеллектуалов с современных исследовательских позиций обладает значительной научной новизной и актуальностью, тем более что изучение их произведений и связанного с ними круга источников вносит вклад в современное научное решение общетеоретической и конкретно-исторической проблемы, связанной с историей власти, ее институтов и государственной традиции в Европе, ибо рассматриваемый период является в этом отношении одним из ключевых.

Практическая значимость работы заключается в том, что детальный анализ образа власти на рубеже античности и средневековья может дать представление о типах мышления когда-то преобладавших не только в

отдельных регионах, но и в целом на Западе Европейского континента, и – в качестве своего рода культурных реминисценций – сохранившихся вплоть до наших дней. Ибо во многих рассматриваемых сочинениях мы можем уловить такие культурологически значимые мотивы, которые, вероятно, чрезвычайно важны и для понимания процессов формирования самосознания наших современников. Разработанные в диссертации методы анализа риторических источников могут явиться методологической базой для сравнительно-типологических исследований как в области античной и средневековой истории, так и в области общекультурных явлений и процессов. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при составлении общих курсов по истории древней Греции и Рима и по истории средних веков, а также при разработке спецкурсов с спецсеминаров по источниковедению и историографии позднеримской и раннесредневековой истории и при написании учебных пособий по данным дисциплинам.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на совместном заседании кафедры истории древнего мира и учебно-научного центра антиковедения Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета. Результаты исследования отражены в публикациях автора – двух монографиях (18,5 и 7,5 п.л.) и 43 статьях (включая 12 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК), общим объемом 53,2 п.л. Основные положения и предварительные результаты исследования докладывались автором на международных и всероссийских конференциях, проходивших в РГГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова, ИВИ РАН, МГИМО (У) МИД РФ, РПГУ, НПГУ и др. Диссертация легла в основу спецкурсов, прочитанных в РГГУ и университете Фрайбурга (ФРГ), положения диссертации используются в общих и специальных курсах лекций по истории и источниковедению древнего Рима, которые автор читает на историко-филологическом факультете и в Институте восточных культур и античности РГГУ. Материалы исследования использовались при проведении занятий на международной летней школе «Компаративистика и риторические практики» (РГГУ–Оксфорд, 2006).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, девяти глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность и новизна, формулируются цель исследования и его задачи, обусловившие построение работы, определяются хронологические рамки и источниковая база работы, характеризуются методологические и теоретические принципы.

В **первой главе** – «*Источники, историография и традиция изучения*» – дается подробная характеристика источников, используемых в работе, и историографической ситуации.

В первом параграфе «*Характеристика источников*» охарактеризован корпус источников, использованных при написании диссертации. Эти источники многочисленны и разнообразны. Основными историческими источниками для решения исследовательских задач, поставленных в настоящей работе, являются произведения позднеантичных авторов латинского Запада V–VI веков Сидония Аполлинария, Авита Вьеннского, Эннодия, Флавия Кассиодора, Иордана, Венанция Фортуната, Григория Великого, многие из которых до сих пор мало вводятся в оборот отечественной исторической наукой, а к некоторым из них в отечественной историографии не обращались никогда (Авит Вьеннский, Эннодий).

Авторы, свидетельства которых мы привлекаем в нашем исследовании, жили при различных королевских дворах Запада, за исключением, может быть, Иордана, о жизни которого нам известно очень. Среди наших авторов один римский папа и четыре епископа, один из которых – Сидоний Аполлинарий – успел некоторое время пробыть префектом Рима¹³. Единственный из них – Кассиодор – так и не принявший сан, закончил свои дни, тем не менее, в монастыре, много лет до этого верой и правдой прослужив нескольким остготским королям на высших государственных постах. Авит Вьеннский не занимал официальных должностей, но был ближайшим советником бургундского короля. Два самых скромных наших героя – Эннодий и Венанций Фортунат – поддерживали теснейшие связи с правящими кругами, а благодаря своему несомненному литературному таланту были приглашены ко двору составить и прочесть панегирики, один – Теодориху, второй – Хильпериху. Иными словами, выбор авторов, к которым мы обращаемся, принимая во внимание систему ценностей данной эпохи, практически бесспорен.

Тот угол зрения, под которым мы рассматриваем данные памятники, существенно трансформирует традиционное видение истории, главным образом тем, что нас не столько интересует отличие одного королевства от другого, сколько общее направление развития идеи королевской власти со второй половины V до конца VI века. Речь идет о том, чтобы представить новую политическую систему Запада не как данность, явившуюся результатом завоевания, – что, впрочем, вполне возможно, – но как вопрос, поставленный современниками. Этот вопрос, или, скорее, целый комплекс вопросов, присутствует в той или иной форме во всей литературе этого времени, и лишь ответы различаются в зависимости от конкретных людей и обстоятельств.

Впрочем, все изучаемые нами авторы соединены географией, социальными условиями, культурой и даже, иногда, родственными связями. Прежде всего, все они – римляне, и это немаловажная деталь. Конечно, и среди германцев были образованные люди, но их размышления над проблемами королевской власти до нас не дошли, да и неизвестно, имелось ли

¹³ Может быть, следовало бы говорить о пяти епископах, если согласиться с гипотезой, что Иордан был епископом Кротона (см. подробнее седьмую главу настоящей работы). См.: Буданова В.П. Новые подходы к исследованию «Гетики» Иордана // Традиции и новации в исследовании западноевропейского феодализма. М., 1994. С. 119–130.

что-нибудь подобное вообще, так что будем считать эту тему сугубо римской. Почти все эти авторы были уроженцами Италии или Галлии, т.е. происходили из двух регионов, которые играли центральную роль в последние века империи. При этом Италия и Галлия переживают с конца V века подлинный литературный подъем. Из Италии выходят Кассиодор, Венанций Фортунат и Григорий Великий. Галлия дает Сидония Аполлинария, Авита Вьеннского и Эннодия. Еще важнее, кто из них входил в число *clarissimi*: Сидоний Аполлинарий, Авит Вьеннский, Кассиодор, Григорий Великий. Эннодий и Венанций Фортунат, хоть и более скромного происхождения, тем не менее, поддерживают, как мы уже говорили, очень тесные контакты с сенаторской аристократией, в последних научных работах о которой подчеркивается сплоченность и политический вес этого круга после падения империи¹⁴. Наконец, принадлежность к одному и тому же социальному слою влечет за собой общность культуры.

Во втором параграфе «Историография и традиция изучения» выделен ряд проблем в современной исторической науке, которые имеют непосредственное отношение к теме диссертационного исследования. Наверное нет необходимости специально останавливаться на том, какой интерес для нашего времени представляет история поздней античности V–VI веков, когда на смену старому порядку приходил новый. Х. Блок пишет: «В современной нам исторической ситуации легче понять те эпохи, когда рушились вековые традиции, а общество переживало один кризис за другим»¹⁵. Но в то же время в это период на исторической арене действовала целая плеяда заметных фигур в сфере политики, культуры, религии.

Научная литература, посвященная конкретным аспектам проблемы и крупнейшим деятелям культуры середины V–VI века, рассматривается в тексте работы, что дало возможность в данном разделе ограничиться лишь обзором основных направлений интерпретации в историографии, преимущественно новейшей, общих проблем эпохи перехода от античности к средневековью и роли античной традиции в формировании нового образа власти в романо-варварских королевствах, пришедших на смену Западной Римской империи.

¹⁴ О сенаторской аристократии в конце империи и сразу после нее см.: *Gagé J.* Les classes sociales dans l'Empire romain. P., 1964. P. 390–417; *Heinzelmann M.* The “affair” of Hilary of Arles (445) and gallo-roman identity in the fifth century // *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* Cambridge, 1992. P. 239–251; *Henning D.* Periclitans res publica. Kaisertum und Eliten in der Krise des Weströmischen Reiches 454/5–493 n. Chr. Stuttgart, 1999; *La Rocca C.* Venanzio Fortunato e la società del VI secolo // *Alto medio-evo mediterraneo*. Firenze, 2005. P. 145–168; *Mathisen R.W.* Emigrants, exiles, and survivors: aristocratic options in Visigothic Aquitania // *Phoenix*. 38. 1984. P. 159–170; *Mathisen R.W.* Roman Aristocrats in Barbarian Gaul. Strategies for Survival in an Age of Transition. Austin, 1993; *Matthews J.* Western Aristocracies and Imperial Court, A.D. 364–425. Oxford, 1975; *Näf B.* Senatorisches Standesbewusstsein in spätrömischer Zeit. Freiburg, 1995; *Pietri L.* L'ordine senatorio in Gallia // *Società romana e impero tardoantico*. Vol. I: Istituzioni, ceti, economie. Rome, 1986. P. 307–323; *Schäfer C.* Der weströmische Senat als Träger antiker Kontinuität unter den Ostgotenkönigen (490–540 n. Chr.). St. Katharinen, 1991; О стойкости сенаторского сословия после падения Западной Римской империи, см.: *Stroheker K.F.* Der senatorische Adel im spätantiken Gallien. Darmstadt, 1970.

¹⁵ *Bloch H.* The Pagan Revival in the West at the End of the Fourth Century // *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century: Essays* / Ed. by A. Momigliano. Oxford, 1963. P. 193.

Основоположником научного подхода к проблемам истории поздней Римской империи, пробудившим интерес к этому периоду, следует назвать Э. Гиббона, выдвинувшего множество догадок и предположений, часть которых подтверждается и развивается современной наукой. Говоря о причинах падения Рима, историк выделяет следующие аспекты: нашествия варваров, прогрессирующее военное ослабление Рима, отрицательные последствия принятия христианства. Характеризуя политический строй Римской империи как «абсолютную монархию, прикрывающуюся республиканскими формами»¹⁶, Э. Гиббон считает, что равновесие внутренних сил, между военной знатью, традиционной общиной и просвещенной элитой оказалось нарушенным, что привело страну, в конечном счете, к гибели. В общий контекст причин падения империи Э. Гиббон ставит и принятие христианства, привнесшего в духовную жизнь общества религиозную нетерпимость и вражду к инакомыслию, что способствовало, в свою очередь, упадку науки, культуры и искусства¹⁷. Взгляды Э. Гиббона, вызвавшие бурную полемику сразу же после первой публикации, продолжают оказывать сильное воздействие на современную историографию¹⁸.

В послевоенное время на западе появился целый ряд общих трудов по проблемам перехода от античности к средневековью. В центр этих исследований было поставлено выяснение причин падения Западной Римской империи, роли христианства и церкви в поздней античности и падении Рима, вопросы, связанные с преемственностью между античной цивилизацией и средневековьем. В этих трудах уделяется значительно меньше, чем прежде, внимание роли церкви и христианства в поздней античности и в большей степени акцентируются социально-экономические вопросы¹⁹.

¹⁶ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 1. СПб., 1994. С. 109.

¹⁷ Указ. соч. Т. IV. С. 248.

¹⁸ Особенно ощутимое влияние концепция Э. Гиббона оказала на развитие британской и американской историографии. См. следующие работы: *Anderson P.* Passages from Antiquity to Feudalism. L., 1975; *Brown R.A.* The Origins of Modern Europe. L., 1972; *Brentano R.* The Early Middle Ages, 500–1000. N.–Y., 1974; *Davies C.* The Emergence of Western Society, 300–1200. L., 1969; *Deanesly M.* History of Early Medieval Europe, 476–911. L., 1969; *Folz R., Gvillon A., Musset L., Soudrel D.* De l'antiquité au monde médiéval. P., 1972; *Wes M.A.* Das Ende des Kaisertums im Westen des Römischen Reichs. Gravenhage, 1967; *Grant M.* Dawn of the Middle Ages. A.D. 476–816. N.–Y., 1981; *Wallace-Hadrill J.M.* Early Germanic Kingship in England and on the Continent. Oxford, 1971; *Wallace-Hadrill J.M.* Early Medieval History. Oxford, 1977; *Wickham C.* Early Medieval Italy. L., 1981; *Wickham C.* The other transition: from the Ancient World to Feudalism // Past and Present. 103. 1984. P. 3–36; *Thompson E.A.* Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire. Madison, 1982; *Kulturbruch oder Kulturkontinuität im Übergang von der Antike zum Mittelalter* / Hrsg. von P.E. Hübinger. Darmstadt, 1968; *Ward-Perkins B.* The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford, 2005. В этих работах, принадлежащих к институциональному направлению, в основном рассматриваются вопросы, связанные с эволюцией римской государственности и права и лишь отчасти элементы духовной жизни общества. И в этом контексте проблема перехода рассматривается как проблема континуитета, дисконтинуитет остается, по существу, только в названиях некоторых работ.

¹⁹ *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. II: De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565). P.; Bruxelles; Amsterdam, 1949; *Piganiol A.* Histoire de Rome. P., 1946; *Demougeot E.* De l'unité à la division de l'Empire romain (395–410). P., 1951; *Chastagnol A.* Le Bas-Empire. P., 1969; *Pavan M.* Storia romana. Roma, 1969; *Boak A.E.R.* A History of Rome to 565 A.D. N.–Y., 1957; *Mazzarino S.* Antico, tardo antico e era costantiniana. Vol. I–II. Roma, 1974; *Rémondon R.* La Crise de l'Empire romain de Marc-Aurèle à Anastase. P., 1964; *Collins R.* Early Medieval Europe, 300–1000. L., 1991.

Особо следует остановиться на капитальном труде А. Джонса²⁰, представляющем кропотливое исследование всех сторон жизни поздней Римской империи. Автор старается разобраться во всей множественности причин падения Римской империи, уделяет большое внимание социально-экономическим и политическим проблемам, специально останавливается на событиях религиозно-политической борьбы. Важный вывод А. Джонса состоит в том, что история поздней Римской империи не была историей декаданса²¹. События, касающиеся непосредственно интересующих нас персонажей, автор, как правило, излагает бегло и в традиционном ключе, но в то же время этот труд содержит множество интересных деталей по истории взаимоотношений христианства и язычества, важных для понимания особенностей религиозно-политической борьбы в общем контексте истории поздней Римской империи.

Несмотря на актуальность проблемы, несмотря на обилие общих и частных исследований, наука все еще далека от понимания тех перемен, которые совершались в римском обществе, начиная с IV века, под влиянием побеждавшего христианства. «Пока еще никто не дал, – замечает А. Момильяно, – реалистической оценки влияния христианства на структуру языческого мира».²² В зарубежной научной литературе существует влиятельное направление, рассматривающее проблему падения Западной Римской империи и возникновения романо-варварских королевств, прежде всего, в рамках борьбы язычества и христианства с большим или меньшим «уклоном» в сторону истории церкви и христианской доктрины²³. Объясняя причины окончательной победы христианства, А. Момильяно, один из крупнейших специалистов в этой области, констатирует сначала экономический спад империи, затем замечает, что поздняя Римская империя была основана на насилии, далее говорит о том, как церковь привлекала к себе талантливых людей, хотя она и не представляла собой здорового организма²⁴. Правда, тезис об экономическом спаде в IV–V веках еще не доказан. Где, действительно, гарантия, что экономическое положение Римской империи в этот период стало хуже, чем в III в.? Напротив, А. Камерон в своей

²⁰ Jones A.H.M. The Later Roman Empire. V. 1–3. Oxford, 1964.

²¹ Jones A.H.M. Op. cit. V. 1. P. 133.

²² Momigliano A. Introduction. Christianity and the Decline of the Roman Empire // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century: Essays / Ed. by A. Momigliano. Oxford, 1963. P. 6.

²³ Alföldi A. A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. Oxford, 1952; Laistner M.L.W. Christianity and Pagan Culture in Later Roman Empire. N.–Y., 1951; Dvornik F. Early Christian and Byzantine Political Philosophy, Origins and Background. Vol. I–II. Washington, 1966; Lepelley C. L'Empire Romain et le christianisme. P., 1969; Meslin M. Christianisme dans l'Empire Romain. P., 1970; Piganiol A. L'Empire chrétien (325–395). P., 1972; Faivre A. Fonctions et premières étapes du cursus clérical: Approche historique et institutionnelle dans l'Eglise ancienne. Lille, 1975; Grant R. Early Christianity and Society. San Francisco, 1977; Kühner H. Das Imperium der Päpste: Kirchengeschichte, Weltgeschichte, Zeitgeschichte. Zürich; Stuttgart, 1977; Geffcken J. The Last Days of Greco-Roman Paganisme. Amsterdam, 1978; Clebsch W.A. Christianity in European History. N.–Y., 1979; Johnson P. Civilizations of Holy Land. L., 1979; Richards J. The Popes and the Papacy in the Early Middle Ages. L., 1979; Liebeschuetz J.H. Continuity and Change in Roman Religion. Oxford, 1979; Frascchetti A. La conversione. Da Roma pagana a Roma cristiana. Roma-Bari, 1999.

²⁴ Momigliano A. Introduction. Christianity and the Decline of the Roman Empire // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century: Essays / Ed. by A. Momigliano. Oxford, 1963. P. 9–11.

последней книге весьма аргументировано показывает сомнительность этого утверждения. Подробно исследуя хозяйство империи, он приходит к выводу, что экономическая ситуация в стране была достаточно стабильной²⁵. Изучением проблемы развития христианства в Римской империи и христианизации различных слоев общества активно занимался Р. Мак-Маллен. Автор показывает процесс проникновения христианства в различные сферы жизни и, в конечном итоге, приходит к выводу, что новая религия не внесла значительные изменения в «светские сферы» жизни Римской империи²⁶.

Победа христианства была обусловлена множеством причин, но один из факторов заслуживает особого внимания в силу его важности для понимания особенностей перехода Римской империи от античности к средневековью. Речь идет о трансформации высшего и наиболее консервативного слоя позднеримского общества – сенаторской аристократии. За последние тридцать лет вышли в свет несколько работ, посвященных аристократии поздней Римской империи. Помимо исследований, в которых делается попытка рассмотреть проблему в целом²⁷, появлялись и работы, в центре внимания которых находятся отдельные представители сенаторской аристократии²⁸. В ряде статей и книг рассматривается религиозный аспект проблемы, в частности вопрос о христианизации сенаторской аристократии²⁹.

В русской дореволюционной историографии период перехода от античности к средним векам и культура поздней Римской империи получила лишь самое беглое освещение³⁰. Отдельные факты использовались в очерках общего характера, однако идея, что античное наследие при переходе от древности к средневековью не было уничтожено полностью прозвучала у П.Н. Кудрявцева, Л.П. Карсавина, Н.А. Васильева. В то время не было на-

²⁵ Cameron A. *The Later Roman Empire, A.D. 284–430*. Cambridge (Mass.), 1993.

²⁶ Mac-Mullen R. *Christianizing the Roman Empire. A.D. 100–400*. New-Haven; L., 1984. P. 144.

²⁷ Arsac P. La dignité sénatorial au Bas-Empire // *Revue historique de droit français et étranger*. 1969. 2. P. 198–243; Chastagnol A. L'évolution de l'ordre sénatorial aux IIIe et IVe siècle de notre ère // *RH*. 1970. 496. P. 305–344; Malcus B. Le Sénat et l'ordre sénatorial au Bas-Empire. Lund, 1970; Arnheim M.T.W. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford, 1972; Wormald P. The decline of the Western Empire and the survival of its aristocracies // *JRS*. 66. 1976. P. 217–226; Arnaldi G. Il Senato in Roma altomedievale (secoli VI, fine – X) // *Il Senato nella storia*. Vol. II. Roma, 1997. P. 95–115; Barnish S.J.B. Transformation and Survival in the Western Aristocracy, c. A.D. 400–700 // *PBSR*. 56. 1988. P. 120–155; Burgarella F. Il Senato // *Roma nell'alto medioevo: Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo*. 48 (27 aprile – 1 maggio 2000). Spoleto, 2001. P. 121–175; Mathisen R.W. *Roman Aristocrats in Barbarian Gaul. Strategies for Survival in an Age of Transition*. Austin, 1993; Näf B. *Senatorisches Standesbewusstsein in spätrömischer Zeit*. Freiburg, 1995; Pietri L. L'ordine senatorio in Gallia // *Società romana e impero tardoantico*. Vol. I: Istituzioni, ceti, economie. Rome, 1986. P. 307–323; Salzman M.R. *The Making of a Christian Aristocracy. Social and Religious Change in the Western Roman Empire*. Cambridge (Mass.), 2002.

²⁸ Barnes T.D. Two Senators under Constantine // *JRS*. 1975. 65. P. 40–49; *Idem*. *Patricii under Valentinian III* // *Phoenix*. 29. 1975. P. 155–170.

²⁹ Brown P.R.L. *Religion and Society in the Age of Saint Augustine*. L., 1972

³⁰ Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии. М., 1889; Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи. СПб., 1908; Васильев Н.А. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов человечества // *Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете*. Т. XXXI. Казань, 1921; Бицилли П. Падение Римской империи. Одесса, 1919.

писано ни одной специальной работы об Эннодии, Авите Вьеннском, Кассиодоре или Венанции Фортунате. Исключение составляет лишь деятельность Сидония Аполлинария и, особенно, Григория Великого, труды которого были изучены подробно и глубоко.

После революции в отечественной исторической науке имела место переоценка режима домината как фактической диктатуры узкого круга богатых землевладельцев-магнатов, сплотившихся вокруг неограниченной императорской власти, опиравшейся на мощный чиновно-бюрократический аппарат и армию. Это на практике и приводило к переоценке роли административно-бюрократического подавления, «всепроникающей» централизованной бюрократической государственности и деспотического характера императорской власти, оставляя в известной мере в стороне само общество, роль его общественных структур, «гражданского общества» в широком смысле.

Многие аспекты духовной жизни эпохи перехода от античности к средним векам глубоко и разносторонне исследованы отечественными учеными³¹. Особое значение для изучения этих вопросов имела статья С.С. Аверинцева «Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью», в которой автор показал специфику мировоззренческих изменений, происходящих в эту эпоху, в сочетании с сохранением основных компонентов античной культурной традиции.

Большое значение для качественного сдвига в изучении всего комплекса проблем, связанных с переходом от античности к средневековью, имеет глубокая разработка самых разнообразных исследовательских проблем, осуществленная в трудах отечественных ученых Ю.Л. Бессмертного, Н.Н. Болгова, О.Р. Бородина, В.П. Будановой, А.Я. Гуревича, И.А. Дворецкой, И.В. Дубровского, М.М. Казакова, А.Р. Корсунского, Г.Л. Курбатова, Г.Г. Литаврина, М.Я. Сюзюмова, И.С. Филиппова, А.А. Чекаловой и др.

Большое внимание исследователей к социально-экономическим аспектам истории поздней античности привело к совершенно недостаточной разработке аспектов политических и идеологических. В целом, в отечественной историографии не столько решены, сколько поставлены проблемы изучения поздней Римской империи.

³¹ Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974; Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. М., 1975; Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17–64; Он же. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; Он же. Латинская литература IV–VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. М., 1998. С. 3–18; Бычков В.В. Эстетика поздней античности. М., 1981; Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972; Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М., 1979; Соколов В.В. Средневековая философия. М., 1979; Культура Византии (IV – первая половина VII в.). М., 1984; Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989; Она же. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987; Она же. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992; Она же. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992. № 1. С. 104–118; Ukolova V. The Last of the Romans and European Culture / Transl. from the russian by Vc. Schneierson. Moscow, 1989; Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998; Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. 3. М., 2005; Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней античности. М., 2007.

В.Т. Сиротенко исследовал историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в.³² Автор вскользь касается некоторых интересующих нас вопросов, но сама политическая борьба во второй половине V в. получила в книге, на наш взгляд, недостаточно глубокое и полное освещение.

Обратимся теперь к рассмотрению научной литературы, посвященной основным проблемам истории позднеримской и раннесредневековой Италии V–VI веков, исключительно важного для дальнейшего развития Европы региона «диалога культур и цивилизаций». Являясь, наряду с Грецией, колыбелью античного мира, она стала передатчиком богатейшего наследия античности будущей средневековой цивилизации. Процессы трансляции культурного опыта, его трансформация и адаптация к потребностям времени представляют неизменный интерес для антиковедов и медиевистов.

Проблемы, связанные с процессом завоевания Италии остготами, и время правления короля Теодориха (493–526) давно дискутируются в научной литературе. Еще со второй половины XIX века этот период истории стал предметом яростных споров между представителями двух основных течений историографии XIX–XX веков – германистов и романистов. Эти направления историографии Остготского королевства продолжают развиваться и в современной зарубежной историографии. Однако, если в предшествующий период мы могли отметить создание трудов обобщающего характера, то с начала 60-х годов обнаруживается тяготение к большей дифференциации тематики, углубленному изучению частных вопросов. Следствием этого стало появление значительного количества небольших по объему работ, авторы которых часто ограничивались констатацией фактов или описанием отдельных сторон жизни общества. Современная зарубежная историография при трактовке вопросов, связанных с трансформацией античного наследия в Италии конца V – первой половины VI веков в значительной степени восходит к работам Л.М. Хартмана и Э. Штейна. Среди основных работ следует назвать книги Т. Барнса «История остготов»³³, У. Гоффарта «Варвары и римляне»³⁴ и К. Викхама «Раннесредневековая Италия»³⁵.

В отечественной историографии к изучению Остготского королевства впервые обратился П.Н. Кудрявцев в известной книге «Судьбы Италии»³⁶. Подробное исследование социально-экономического положения Италии в VI–VIII веках дано в книге П.Г. Виноградова «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии»³⁷. Из исследований дру-

³² Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. Пермь, 1975.

³³ Burns T. A History of the Ostrogoths. Bloomington, 1984.

³⁴ Goffart W. Barbarians and Romans. Princeton, 1980.

³⁵ Wickham C. Early Mediaeval Italy: Central Rower and Local Society, 400–1000. L., 1981.

³⁶ Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850.

³⁷ Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.

гих отечественных ученых, затрагивавших вопросы, связанные с социально-экономическими и аграрными отношениями в остготской Италии, можно назвать книгу Д.М. Петрушевского «Очерки из истории средневекового общества и государства»³⁸. Проблемы возникновения государства остготов в Италии рассматриваются в статье О.Л. Вайнштейна «Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха»³⁹.

История формирования Остготского королевства в Италии в связи с общим процессом перехода от рабовладельческого общества к феодальному затрагивались в работах А.Р. Корсунского⁴⁰, Е.М. Штаерман⁴¹, А.И. Неусыхина⁴², З.В. Удальцовой, И.А. Дворецкой⁴³, М.Я. Сюзюмова⁴⁴, Л.А. Котельниковой⁴⁵, О.Р. Бородин⁴⁶, З.В. Удальцовой⁴⁷ и др.

Из трудов отечественных ученых для избранной темы особенно важны исследования В.И. Уколовой: фундаментальные монографии «Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века)», «“Последний римлянин” Боэций», «Поздний Рим: пять портретов»⁴⁸ и многочисленные статьи. В отечественной исторической науке В.И. Уколова является одним из немногих исследователей, работающих в русле концепции поздней античности, согласно которой этот период представляет особый этап в развитии античной средиземноморской цивилизации. Для нашей работы эта концепция, возникшая в 70-е годы XX века и наиболее активно развивающаяся в англо-американской историографии, имеет особое значение. Концепция поздней античности позволила выдвинуть ряд принципиально новых тем и существенно расширить репертуар источников, используемых для их рассмотрения. В разработке идеи поздней античности как особой исторической эпохи главную роль сыграли историки, представляющие британскую историографическую школу (Ав. Камерон⁴⁹,

³⁸ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1922.

³⁹ Вайнштейн О.Л. Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха // Историк–марксист. 1938. № 6. С. 134–158.

⁴⁰ Корсунский А.Р. Образование раннефеодальных государств в Западной Европе. М., 1963; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

⁴¹ Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческих отношений в Западных провинциях Римской империи. М., 1978.

⁴² Неусыхин А.И. От античности к средневековью // История Италии. Т. I. М., 1970. С. 9–70.

⁴³ Дворецкая И.А. Западная Европа V–IX веков. Раннее средневековье. М., 1990; Она же. Организация управления в Остготском королевстве // ВВ. Т. XXI. М., 1962. С. 3–28.

⁴⁴ Сюзюмов М.Я. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // ВДИ. 1955. № 1.

⁴⁵ Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М., 1987.

⁴⁶ Бородин О.Р. Византийская Италия в VI–VIII веках. (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991; Он же. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001.

⁴⁷ Удальцова З.В. Византия и Италия в VI веке. М., 1959.

⁴⁸ Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987; Она же. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989; Она же. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992.

⁴⁹ Cameron Av. The Mediterranean World in Late Antiquity, A.D. 395–600. L., 1993; Changing Cultures in Early Byzantium / Ed. Av. Cameron, P. Garnsey. Ashgate, 1996; Cambridge Ancient History. Vol. XIII: The Late Empire, A.D. 337–425 / Ed. Av. Cameron, Stuart G. Hall. Cambridge, 1998; Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600 / Ed. Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge (Mass.), 2000.

Г. Бауэрсок, П. Хизар⁵⁰, П. Гарнси⁵¹ и др.), среди которых особое место занимает крупнейший специалист по истории и культуре указанного периода – Питер Браун⁵². Дискуссии по поводу данной парадигмы могут оказаться весьма ценными для развития методик исторической интерпретации переходных эпох, уяснения условности концепта «упадка цивилизации» в истории, зависимости представлений об «упадке» от вкусов и источниковых предпочтений историка⁵³.

Таким образом, проблемы формирования во второй половине V–VI веках нового образа власти в романо-варварских королевствах, возникших на территории Западной Римской империи, и роль в этом процессе политических идей поздней античности в отечественной историографии предметом специального исследования никогда не была. Имена Сидония Аполлинария, Авита Вьеннского, Эннодия, Кассиодора, Венанция Фортуната, Григория Великого встречаются в отечественной литературе, но до сих пор не дана достаточно полная и объективная оценка роли этих интересных личностей, ни разу под указанным углом зрения их сочинения не рассматривались, многие их труды не введены в широкий научный оборот. Данная работа не претендует, разумеется, на разрешение всех этих проблем, но само их наличие делает нашу задачу особенно интересной.

Во **второй главе** – «*Королевская власть и политическая традиция латинского Запада*» – рассматривается, каким образом формировалась и трансформировалась на протяжении императорской эпохи присущая Западу концепция идеального правителя. С этой целью мы обратились к сочинениям некоторых латинских авторов, придававших этой проблеме существенное значение. Избранный нами подход представляется нам предпочтительнее сугубо тематического исследования, поскольку позволил акцентировать вопросы литературной преемственности. Кроме того, проведено комплексное исследование ключевого для нашей темы слова – *rex*, его эмоциональной нагрузки, семантических коннотаций, исторического контекста, т.е. всего того, что направляло процесс возникновения новой идеи

⁵⁰ Heather P. *Goths and Romans 332–489*. Oxford, 1991; *Idem*. *Politics, Propaganda and Empire in the Fourth Century*. Liverpool, 2001; *Idem*. *State, lordship and community in the West (A.D. 400–600)* // *Cambridge Ancient History*. Vol. XIV. 2001. P. 437–468; *Idem*. *The Fall of the Roman Empire. A New History of Rome and the Barbarians*. L., 2005.

⁵¹ Garnsey P., Humfress C. *The Evolution of the Late Antique World*. Cambridge (Mass.), 2001.

⁵² Brown P.R.L. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. Madison (Wisconsin), 1992; *Idem*. *The World of Late Antiquity: From Marcus Aurelius to Muhammad*. A.D. 150–750. L., 1971; *Idem*. *The Making of Late Antiquity*. Cambridge (Mass.); L., 1978; *Idem*. *Society and the Holy in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles, 1988; *Idem*. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. N.–Y., 1988; *Idem*. *Poverty and Leadership in the Later Roman Empire*. Cambridge (Mass.), 2002; *Idem*. *The Rise of Western Christendom: Triumph and Diversity, 200–1000 A.D.* Cambridge (Mass.), 1996; *Idem*. *The study of elites in Late Antiquity* // *Arethusa*. 2000. Vol. 33. № 3. P. 321–346; *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600* / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000; *Interpreting Late Antiquity: Essays on the Postclassical World* / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (Mass.), 2001; *Authority and the Sacred: Aspects of the Christianisation of the Roman World* / Ed. P. Brown. Cambridge; N.–Y., 1995; *Governanti e intellettuali: popolo di Roma e popolo di dio, I–VI secolo* / Ed. P. Brown, L.C. Ruggini, M. Mazza. Torino, 1982.

⁵³ Селунская Н.А. Осень средневековья и поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 13. М., 2004. С. 232–246; *Она же*. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // *ВДИ*. 2005. № 1. С. 249–253.

королевской власти, перешедшей затем из рассматриваемой эпохи в высокое средневековье. Нам важно показать, что за политическими потрясениями продолжает сохраняться преемственность стиля мышления, тем самым подчеркивая, что идея королевской власти возникла в римской политической мысли задолго до начала эпохи нашествий.

В первом параграфе *«Концепция идеального правителя в латинской риторико-политической традиции»* речь идет о реконструкции концепции монархической власти периода принципата. Данная политическая традиция представлена в большом количестве латиноязычных источников, из которых важнейшими для нашей темы являются «Панегирик Траяну» Плиния Младшего, галльские панегирики IV века и *Scriptores Historiae Augustae*. К ней же принадлежат Аммиан Марцеллин и Клавдиан, что особенно интересно, так как речь идет об уроженцах восточной части империи, принявших латинский язык и римские политические идеи. Все важнейшие аспекты интересующей нас темы появляются уже у Плиния Младшего с некоторыми частными особенностями, которые объясняются обстоятельствами написания Панегирика Траяну. Двумя веками позднее с той же самой системой взглядов, очень близкой к выраженной в «Панегирике Траяну», мы встречаемся в галльских панегириках и у *Scriptores Historiae Augustae*. Концепция императора, которой придерживался Аммиан Марцеллин, совершенно четко проявляется в описываемом автором противостоянии Констанция II и Юлиана. Из литературного портрета императора Валентиниана мы можем получить довольно подробное и четкое представление о том, чего ожидает Аммиан Марцеллин от императора, которого он ни низводит, ни превозносит. Самый главный упрек, который автор адресует Валентиниану, – суровость в отправлении правосудия. Но когда Аммиан Марцеллин переходит к главе, где описываются личные качества императора, римский характер его похвал сомнений не вызывает. Здесь мы снова встречаем тот же набор черт, которыми Плиний наделял Траяна.

Краткий обзор завершается несколькими наблюдениями над текстами крупнейшего поэта рубежа IV–V веков Клавдия Клавдиана. Творчество Клавдиана особенно примечательно откровенно враждебными выпадами в адрес Востока и концепцией императорской власти, производящей впечатление некоторого анахронизма. Современник Амвросия Медиоланского и Августина, написавший свои основные произведения уже после смерти императора Феодосия I, Клавдиан создает литературный портрет идеального императора в духе века Антонинов. Проблема состоит в том, если говорить об образе императора у Клавдиана, что этот образ, конечно же, не христианский, но он также и не языческий, он, если угодно, сугубо римский. Клавдиан стремился вызвать у своих слушателей чувство римского патриотизма, гордости за свою принадлежность к великой традиции любви к свободе. Все эти идеи сохраняются в сердцах западной senatorской аристократии, которая, благодаря римской системе образования, главным образом литературно-риторического, живет культом римского прошлого.

Клавдиан стал последним придворным поэтом Запада до Сидония Аполлинария. Творчество Клавдиана свидетельствует, принимая во внима-

ние, в том числе, и его претензии к Константинополю, о желании вдохнуть новые силы в традицию собственно римскую, почерпнув их из славного римского прошлого. Влияние Клавдиана на последующих авторов было гораздо более сильным, чем можно ожидать от придворного поэта. Его цитирует Августин, читает Сидоний Аполлинарий, подражает Венанций Фортунат.

Итак, таково было наследие, оставляемое четвертым веком веку пятому, накануне великой бури. Наметившееся движение в сторону римской реакции, временами принимавшее явную антивизантийскую направленность, сыграет в будущем немаловажную роль. Было бы, конечно, абсурдным видеть в нем причину распада имперской идеи, но было бы не меньшим абсурдом отрицать стойкость подобного стиля мышления и состояния умов в новых королевствах. Наметившиеся идеи прочно войдут в интеллектуальный багаж той части римской аристократии, итальянской и провинциальной, которая примкнет к правителям романо-варварских королевств.

Во втором параграфе «Идея царской власти в римской традиции» рассматриваются те трансформации, которые претерпел образ царской власти в римской традиции до падения Западной Римской империи. Для гражданина Западной Римской империи в V веке римляне и варвары принадлежали, безусловно, к двум разным мирам. По этому поводу царит полное единодушие, мнения расходятся только по поводу того, какую позицию следует занимать по отношению к этому другому миру: одни склоняются к силовым решениям, другие призывают к мягкости и терпимости. В противостоянии этих двух миров язык, образ жизни и религия играют существенную роль. Однако ощущение собственно политических различий тоже, конечно, присутствует, как свидетельствуют литературные клише, представляющие данное противостояние двух миров в виде оппозиции императора и *rex*.

Конечно, когда мы начинаем читать сочинения авторов – современников эпохи становления романо-варварских королевств, то невольно вызывает удивление то уважение, с которым они относятся к королевской власти: соображения лести, как кажется, не являются достаточным объяснением, да и вообще в историческом процессе мало что можно понять, если заранее предполагать лицемерие и двуличность участников и свидетелей. В большинстве своем писатели VI века не рассматривают *reges* как что-то абсолютно чуждое или как воплощение скомпрометированной, недостойной уважения формы власти.

Действительно, во всех королевствах титул *rex* очень быстро стал единственным всеми признаваемым наименованием правителя. Как правило, язык не вводит в заблуждение. Очень рано мы замечаем, что правителя начинают называть просто *rex*, без добавления этнического детерминатива (например, *rex Gothorum*), более того, возникают новые конструкции типа *rex Italiae* или *rex Spaniae*, которыми подчеркивается, что король правит королевством, т.е. определенной территорией, а не конкретным народом. В то же самое время королевская власть усиленно романизировалась, усваи-

вая управленческую практику Римской империи, также как и внешние формы репрезентации этой власти, происходит процесс, который условно можно было бы назвать «присвоением» римлянами королевской власти. По мере того как она перестает пониматься как германский властный институт, правящий германцами, преодолевает оппозицию *princeps/reges*, королевская власть оказывается в русле политических размышлений, основание которых уходит далеко в прошлое. Речь идет о той самой идее королевской власти, проследить процессы развития которой является одной из основных задач нашего исследования. Эта идея, пройдя через взлеты и падения, удачи и провалы, займет в итоге свое законное место в качестве важного этапа в истории политической мысли, начало которой относится к эпохе эллинизма.

Как показывает анализ источников, сомнения, испытываемые авторами относительно возможности и способов употребления слова *rex* и производных от него применительно к императорской власти, начинают рассеиваться со второй половины IV века. Этот феномен обнаруживается равным образом и у языческих и у христианских авторов, так что можно предположить, что речь идет о магистральной тенденции развития языка и идеологии, даже если в каждом конкретном случае могут быть выявлены и какие-то частные причины, стимулирующие данные процессы. Впрочем, самое сознательное и очевидное смещение императорской и царской власти мы можем проследить у христианских авторов. В их сочинениях нередко случаи, когда императора называют *rex*. Царская власть, действительно, упоминается в Библии на каждой странице, причем не только когда речь заходит о правителях Израиля, или других владыках, но также и в качестве символа, образа, необходимого для передачи духовной реальности. Центральная идея Нового Завета заключается в объявлении грядущего Царства Небесного. Царская власть оказывается важным понятием в теологии и в духовной жизни христианства. Вполне возможно, что благодаря этому христианство могло способствовать сглаживанию пейоративных коннотаций, связанных с царской властью в римской традиции: и действительно, никаких следов этого негатива в начале V века уже не будет.

Заметим также, что наблюдения, сделанные в данной главе, вовсе не нацелены на утверждение, что размышления, теоретические построения и концепции авторов IV–V веков постепенно и скрыто подготовили финальную катастрофу. Безусловно, варварские вторжения сыграли свою роковую роль. Без них Западная Римская империя могла бы иметь те же перспективы развития, что и Восточная, однако, перед лицом испытаний, у Востока оказалось больше сил, больше ресурсов для сопротивления. В сложившихся условиях Западу повезло лишь в одном: в результате варварских вторжений сохранилась, хотя бы частично, прежняя социальная организация общества. Становление романо-варварских королевств не подорвало влияние римской и местной провинциальной, например, галло-римской аристократии, позиции которой непрерывно усиливались, начиная с правления императора Константина. Роль знати в становлении нового европейского мира была чрезвычайно существенной, именно она обеспечила определен-

ную преемственность при переходе от империи к романо-варварским королевствам. Со своей стороны германская королевская власть, опираясь на родовые традиции, не могла предложить ничего, что было бы способно соперничать с политической мыслью побежденных. Это была, так сказать, чистая восковая табличка, на которой римляне могли оставить, или попытаться оставить, свой след.

В **третьей главе** – *«Сидоний Аполлинарий: галло-римский аристократ между варварами и империей»* – речь идет об индивидуальном опыте осмысления и оценки галло-римским интеллектуалом стремительных перемен и происходящих событий. В первом параграфе *«Сидоний Аполлинарий и императорская власть»* мы пытаемся разобраться, какое содержание вкладывает Сидоний Аполлинарий в идею империи, что помогает нам понять, почему в Галлии верность имперской идее начинает постепенно ослабевать, уступая место вестготской королевской власти, франкской и бургундской монархиям. Сидоний Аполлинарий позволяет нам понять, каким образом и в связи с чем оказалась возможной такая эволюция, предвестники которой заметны уже в произведениях самого Сидония Аполлинария.

В произведениях Сидония Аполлинария очень несложно найти свидетельства того, что он гордится своей принадлежностью к римской цивилизации в латинском, западном смысле слова. В своих сочинениях он очень часто обращается к сюжетам из истории Рима. Причем римская история для него едина, воспоминания о республиканском прошлом и воспоминания об империи соединяются друг с другом, образуя общее монументальное полотно. Сидоний Аполлинарий настойчиво стремится создать образ императора-гражданина в противовес тираническим повадкам, свойственным императорам из династии Феодосия, к которой он испытывал жгучую ненависть. В глазах Сидония Аполлинария никто из императоров до Траяна не стоит доброго слова. Со времени написания *«Панегирика Траяну»* Плиния Младшего имя Траяна символизирует принцепса, ориентированного на сенат и республиканскую модель управления. Таким образом, Сидоний Аполлинарий вписывается в традицию специфически латинскую, которая легко прослеживается на протяжении III и IV веков и у Аммиана Марцеллина, и у *«Scriptores Historiae Augustae»*.

В предложенной Сидонием концепции императорской власти по сути дела нет ничего им самим придуманного, оригинального, все ее элементы мы легко можем найти в латинской литературе предшествующих эпох. Ее важность возникает из самого момента ее изложения Сидонием Аполлинарием, т.е. строго накануне падения Западной Римской империи. Актуализация этой концепции, в действительности, является знаком несогласия, разделяемого, без сомнения, большей частью галльской аристократии, с той эволюцией, которую претерпевала императорская власть за последние полтора столетия. Дух «византизма» день ото дня все сильнее проникал в собственно римскую традицию, которая на западе никогда не исчезала, не забывалась, и которой, по возможности, старались следовать, по крайней мере, в кругах знатных интеллектуалов. Сам факт столкновения двух плохо согласующихся между собой концепций императорской власти расшатывал

вал духовное и политическое единство западного мира именно в тот момент, когда оно было так необходимо, и в значительной мере этим объясняется та относительная легкость, с которой удалось возникнуть и утвердиться на территории Западной Римской империи романо-варварским королевствам. Наконец, новая власть в создающихся романо-варварских королевствах гораздо в большей степени, нежели власть императорская, могла ответить на еще одно сильное чувство, которое играло все большую роль на протяжении V в. и которым пронизаны сочинения не только Сидония Аполлинария, но и многих его современников. Речь идет о чувстве местного, провинциального патриотизма, значение которого для дальнейшего развития Запада сложно переоценить.

Во втором параграфе «Сидоний Аполлинарий и провинциальный патриотизм» мы пытаемся ответить на вопрос, ответ на который совершенно не очевиден: отдавал ли знатный галло-римлянин предпочтение своей большой или малой родине? В более широком контексте речь идет о том, можно ли увидеть в нем духовного предтечу Григория Турского и его современников. Позиция, которой придерживается Сидоний Аполлинарий, двойственна, но тем самым она и интересна, поскольку помогает нам пролить свет на проблему становления новой королевской власти на землях империи. Галло-римляне сначала осознали свою особость внутри империи до того, как сделали это же уже вне ее. Затем они идентифицировались, но не с франками, т.е. варварами как таковыми, а с меровингской королевской властью, т.е. с той монархической властью, которая пришла на смену власти императорской и которую они считали, не без оснований, способной обеспечить выживание той социальной группы, того сообщества, которое отделилось от империи.

До сих пор мы, в основном, говорили о его концепции императорской власти. Но, что представляла собой империя в его понимании? Восточная часть в расчет уже не принималась: Рим уступил ее Авроре. От Западной части следует отделить Африку, занятую Гензерихом. Испания, как таковая, вообще мало интересует Сидония Аполлинария. Таким образом, остаются только Галлия и Италия. Это то, что касается политической географии. В морально-этическом или духовном смысле империя для него это определенный образ и стиль жизни. Произведения Сидония Аполлинария представляют собой ценнейший источник, описывающий организацию жизни того социального круга, к которому он принадлежал, т.е. сенаторской аристократии. Империя – это та рамка, внутри которой проходит ее жизнедеятельность, она, по сути, является одним большим «полисом» в собственном античном смысле слова. Отсутствие каких бы то ни было христианских аллюзий, вообще чего-то связанного с религией, является чрезвычайно характерной и показательной чертой его панегириков. Возводя образ идеального *princeps* к Траяну, Сидоний Аполлинарий имплицитно отрицает всякую идеологию христианской империи. Он мечтает об империи, которая представляла бы собой *pax romana*, а не *tempora christiana*. Империя для Сидония Аполлинария – это аристократическая империя, причем в двух смыслах. Во-первых, в том, что касается главы империи, то им-

перией должен управлять достойнейший, и эта тема, как мы уже видели, подробно разрабатывается в панегириках. Во-вторых, речь также должна идти о сохранении прав и привилегий всех знатных фамилий империи. Империя – это жизненное пространство аристократического круга, а также пространство достойной карьеры.

В третьем параграфе «Сидоний Аполлинарий и варварская королевская власть» на основе анализа писем Сидония Аполлинария реконструируются, как он представлял себе нарождающуюся королевскую власть. До этого времени в латинской литературе существовал устойчивый тоpos варварской королевской власти, подобно тому, как существовал, например, тоpos тирана. Король или вождь германцев оценивался с точки зрения его отношения к империи; как всякий варвар, он рисовался черными или белыми красками, в зависимости от его *perfidia* или *fides*. Под пером Сидония Аполлинария германская королевская власть делает первый шаг из эпохи героической и воинственной, чтобы войти одним из важнейших элементов в новую политическую и социальную систему. В своих письмах Сидоний Аполлинарий произносит одно из важнейших ключевых понятий – *civilitas*. Сидоний Аполлинарий, говоря о *civilitas* Теодориха II, хочет специально подчеркнуть, что вестготский правитель уже доказал свою принадлежность к римскому миру. Конечно, речь еще не идет о том, чтобы Сидоний Аполлинарий приписывал одно из качеств, присущих императору, вестготскому королю. Однако эта первая встреча *civilitas* и «варварского» правителя сама по себе достойная внимания уже, безусловно, является признаком того, что *rex* и королевская власть больше не воспринимаются как нечто абсолютно чуждое римской традиции и системе ценностей.

Сидоний Аполлинарий никогда прямо не говорит о крушении Западной Римской империи, но мы также видели, что он всегда отдавал себе отчет в происходящих событиях, никогда не жил мечтами и не строил иллюзий. Он прекрасно понимал, какие новые центры силы возникли и поднимаются, он видел, как усиливалось и распространялось влияние вестготской королевской власти, и оставил нам доказательства этого своего понимания: от идеализированного, окрашенного римской политической философией портрета Теодориха II, к признанию, впрочем, без чрезмерной симпатии и аффектации, могущества Эйриха.

В **четвертой главе** – «Авит Вьеннский и концепция христианской королевской власти: от *rex gentis* к *princeps christianus*» – рассматривается концепция христианской королевской власти, разработанная в сочинениях епископа Вьеннского Авита. В первом параграфе «Писатель и его время» говорится о жизни и деятельности Авита, который родился около 460 года и принадлежал к тому поколению, которое вошло во взрослую жизнь уже после падения Западной Римской империи. Религиозное образование у Авита, как кажется, было гораздо более основательным, чем у Сидония Аполлинария, что нашло свое отражение во всех сочинениях Авита, в том числе и в его стихах, которые были вдохновлены исключительно эпизодами из Ветхого Завета. Очень часто религиозные интересы определяли и его политическую позицию.

Письма Авита и некоторые другие источники свидетельствуют, что епископ Вьенна не довольствовался исполнением своих пастырских обязанностей, но очень внимательно следил за всем, что происходит за пределами бургундского королевства. Те усилия, которые он прикладывал с целью обратить короля Гундобада в истинную веру, нельзя полностью объяснить ни его желанием спасти душу короля, ни заботой о спокойствии и безопасности христиан-католиков королевства, поскольку Гундобад не был агрессивным последователем арианства. В настойчивости Авита не последнюю роль играли соображения из области высокой политики, обращение короля вписывалось в более широкую программу действий, направленных на повышение международного статуса и престижа бургундской королевской власти, на включение ее в число доминирующих на текущий момент политических сил. Переход короля в истинную веру и определение характера его отношений с империей составляли два основных элемента плана, который мог бы обеспечить выживание королевства бургундов. Сделать образ королевской власти более утонченным, соответствующим духу времени, четко определить функции и обязанности этой власти, такова была главная цель Авита, на достижение которой он сосредоточил все свои помыслы, направлял все силы, талант писателя, в этом видел свой пастырский долг.

Письмо, которое Авит написал Хлодвигу сразу после его крещения, является самым ранним из трех сохранившихся свидетельств, рассказывающих об этом событии. Факт обращения короля франков в истинную веру предоставил Авиту прекрасный повод и возможность изложить некоторое количество своих соображений и идей, из которых складывается его концепция христианской королевской власти. Неудивительно, что практически повсеместно обращение короля в ортодоксальное христианство влекло за собой важные следствия в виде существенных изменений в концепции королевской власти, что очень тонко почувствовал Авит на примере Хлодвигу. С редкой проницательностью он оценивает все значение события. В его глазах Хлодвиг становится первым представителем новой плеяды королей. Обращение Хлодвигу это не только событие его личной биографии, отблеск этого события падает на всех королей, и в частности, на короля Бургундии. Решение, принятое Хлодвигу, меняет роль и значение королевской власти, и Авит скорее хочет увидеть в нем идеальную модель, достойную подражания, нежели завоевателя, которому обращение в истинную веру развязало руки и предоставило право вмешиваться в дела других королевств. Хлодвиг устанавливает свою власть на новых основаниях и указывает путь своим преемникам. Авит провозглашает, таким образом, на примере Хлодвигу, новую истину и новое положение вещей: отныне *reges* Запада могут исполнять по отношению к христианской вере ту же роль, которую издавна исполнял император. Через принятие ортодоксального христианства королевская власть становится, по крайней мере в том, что касается религиозной стороны, формой правления соотносимой с римским идеалом.

Во втором параграфе «*“Patria nostra vester orbis est”*: Авит и королевская власть в Бургундском королевстве» анализируется переписка Авита с Гундобадом и его сыном Сигизмундом. В письмах перед нами предстает великолепно образованный человек, эрудит и интеллектуал, проникнутой высокой культурой античного мира, преданный римской концепции *romanitas*, целью которого было определить морально-этические и духовные рамки королевской власти. Как мы знаем, Авит был не единственным, кто ставил перед собой такие задачи, но, кроме того, он находился со своими правителями в очень тесных, дружеских отношениях. Следует признать, что Авиту повезло найти в Гундобаде приятного и заинтересованного собеседника. Король проявлял интерес к теологическим проблемам и охотно обращался к Авиту за разъяснением темных и запутанных вопросов. С Сигизмундом дело обстояло по-другому. Принц был обращен Авитом в истинную веру, и епископ Вьеннский, будучи его духовным отцом, испытывал к нему чувство самой искренней привязанности. Адресованные ему письма написаны в совершенно иной тональности и полны искренней заботы и нежности, конечно, не без некоторой литературной вычурности и манерности. В этих письмах перед нами предстает довольно объемный и детальный портрет Сигизмунда, гораздо более подробный и цельный, чем портрет его отца Гундобада.

Осуществить обращение бургундских королей в ортодоксальное христианство являлось главной целью и надеждой Авита. Для епископа подобная задача представляется вполне естественной. В действительности же Авит преследовал цель более возвышенную и более грандиозную. Он выступал скорее как теоретик, а не как выразитель сиюминутных интересов. Королевства стали уже реальностью политической жизни, Галлия разделена границами новых государств. Короли все меньше и меньше кажутся чужеземными завоевателями, они вполне справляются со своими функциями главы государства, поддерживая структуру общества. Религия, арианство или язычество, остается последним связующим звеном между ними и их германскими корнями. Обращение в ортодоксальное христианство должно привести к появлению нового короля и нового типа королевской власти. Именно поэтому, и в случае с Гундобадом, и в случае с Хлодвигом, Авит, говоря об обращении, акцентирует именно аспект разрыва с национальным и родовым прошлым, а не переход к обновленной жизни: из *rex gentis* ортодоксальное христианство должно сделать *princeps christianus*. Авит предчувствовал намечающиеся изменения, когда писал об обращении Хлодвига, но ему так и не удалось убедить Гундобада. Но зато с Сигизмундом его мечта осуществилась. По мнению Авита королевская власть Сигизмунда должна уходить корнями в два источника – империю и ортодоксальное христианство.

Авиту не удалось создать новую христианскую королевскую власть, о которой он так мечтал. Однако разработанная им модель этой власти остается одним из интереснейших свидетельств политической мысли конца античности и раннего средневековья. Конечно, он не политический мыслитель в том смысле, что он не создал разработанной теоретической базы для

своей концепции, не синтезировал идеи, с ней связанные. Но мы старались показать, что вся его деятельность направлялась идеей христианской королевской власти, возможность реализации которой он сначала связывал с Хлодвигом, а затем с Сигизмундом. Авит был человеком своего времени, человеком переходной эпохи. Тогда как все его жизненные принципы, образование, воспитание, происхождение ориентировали его на верность прошлому, он сумел точно предугадать судьбу германской традиции королевской власти. Достаточно сказать, и это делает ему честь, что он входит в очень ограниченное число тех людей, правоту которых подтвердило время. Его концепция христианского короля появилась слишком рано, и не потому что он был ее предвестником или первооткрывателем, а потому что он хотел слишком стремительно перенести на германских владык теорию христианского императора. Несмотря на все свои устремления и замыслы, он оставался, по сути, человеком античного римского мира. Прежде чем достичь до необходимого уровня христианской зрелости, которой он так желал, королевская власть должна была набраться опыта, пройдя через многие испытания. Еще при жизни Авита очень интересный опыт создания другой концепции королевской власти состоялся в Италии.

В **пятой главе** – *«Эннодий Павийский и национальная королевская власть»* – рассматривается концепция королевской власти, созданная Эннодием, принадлежавшим, как и Авит Вьеннский, к первому поколению, сознательная жизнь которого началась уже после крушения Западной Римской империи. Эннодий, по сути дела, никогда не был политиком, политические теории его не слишком интересовали, поэтому его отношение к тем или иным политическим событиям, концепциям, идеям требуется реконструировать. В первом параграфе *«Риторика и политика»* анализируется образ короля Теодориха Остготского, созданный в сочинениях Эннодия. Сидоний, создавая портрет Теодориха II, доводит его до литературного совершенства, которое в состоянии оценить искушенные читатели. Он наделяет своего героя всеми характеристиками значительной исторической личности, способной убедить римское общество признать его своим, и тем самым, увидеть в нем *de facto* законного преемника императоров. Эннодий в Панегирике использует несколько иные средства, поскольку он обращается непосредственно к монарху и должен учитывать, создавая образ короля, его ожидания и возможную реакцию. При этом нельзя упускать из виду, что панегирик это не только устойчивая литературная форма, но и важная составная часть придворного церемониала. Он является одним из существенных элементов ритуала, окружавшего греко-римского монарха. Впрочем, то, что в случае с императором, давно уже стало ритуалом, приобретает, применительно к варварскому королю, новое значение, независимо от содержания и от литературного качества произведения. Таким способом утверждается, что власть достигается не только в результате завоевания, что она опирается не только на силу оружия, но умеет также слушать и голос рассудка.

«Житие Епифания» – самое объемное произведение Эннодия и, бесспорно, самое важное, наряду с Панегириком, для нашей темы, – содержит

немало интересующих нас сведений, хотя Теодорих и не является в нем главным героем. Что же хотел показать Эннодий? Уж, конечно, не модель святости, которой необходимо следовать: он совершенно не предлагает всем епископам становится дипломатами. В целой серии произнесенных речей епископ Павии предстает перед нами не как соперник или оппонент, а скорее как мудрый и доброжелательный наставник королей. При этом антивизантийская позиция автора проявляется со всей возможной наглядностью. В первую очередь, целью написания «Vita Eriphani» является стремление Эннодия оказать поддержку новому порядку вещей на Западе, предъявив для этого авторитетную фигуру святого епископа, много способствовавшего установлению указанного порядка.

Особое внимание обращается на скрытое, незаметное на первый взгляд, глубокое единство между Vita и Панегириком, особенно если рассматривать их под углом зрения социального функционирования литературы. Сверхзадачу обоих произведений можно сформулировать практически одинаково: и там, и там автор стремится внушить мужество римлянам, вернуть им веру в силу их традиционной системы ценностей. В общем и целом «Vita Eriphani» готовит появление Панегирика: в «Vita Eriphani» Епифаний уже выступает перед королями так же, как сам Эннодий будет выступать перед Теодорихом. Искушенный ритор знает, и готов объявить это во всеуслышание, что красноречие еще может править миром, влиять на него и изменять его. Ораторское искусство действительно и потому необходимо. Епифаний устанавливает согласие между королями; Эннодий в Панегирике приводит в порядок и определяет основные понятия, фиксируя в совершенной риторической форме исторический образ короля готов, как это будет делать после него Кассиодор. Панегирик продолжает и развивает идеи, уже появившиеся, хотя бы в виде намека, в «Vita Eriphani». Эти сочинения следует рассматривать последовательно, выстраивая определенную линию, которая ведет нас от темной эпохи конфликтов между королями и императорами, между королями как таковыми, до славного политического равновесия, установившегося в царствование Теодориха.

В сочинениях Эннодия мы видим, каким образом италийский патриотизм и идея империи постепенно становятся несовместимыми. Впрочем, все царствование Теодориха будет сопровождаться непрерывной борьбой приверженцев этих двух позиций. Эннодий, конечно же, без всяких колебаний принимает сторону короля. Тем самым мы, во-первых, имеем в виду, что он принимает сторону Теодориха, а во-вторых, в более общем смысле, что представления об империи у него подменяются новой концепцией королевской власти. Эннодий продолжает процесс, начатый Сидонием Аполлинарием. Эннодий прекрасно отдает себе отчет в том факте, что Запад стал, с момента смещения последнего императора, областью, где правят различные *reges*. Император теперь является ни больше, ни меньше, чем одним из них. Правила политической игры с этого времени начинают существенно меняться. Речь идет уже не о том, чтобы защитить права империи, понимаемой как единственный авторитет, источник и носитель власти, но о том, чтобы обеспечить согласие между правителями. В

изложении Эннодия проявляется осознание того, что отношения между правителями должны строиться на основе новой морали. До сих пор существовал идеал хорошего правителя, всем были известны обязанности императора по отношению к своим подданным. Хороший или плохой император всегда остается императором, если только он достиг власти законным путем, он всегда является воплощением *majestas populi romani*. Сущность же королевской власти иная. Для Епифания и Эннодия королевская власть, не имеющая, по сути, оснований в римской государственной традиции и римской системе ценностей, могла найти себе необходимую опору только в христианской традиции. Это вовсе не значит, что императору, преемнику Августа, пришел на смену король, преемник Давида. Пока все проще, речь идет только о том, что король должен вести себя так, как подобает доброму христианину. Подробно разбирая текст «*Vita Eriphani*» мы старались показать, каким образом в литературном произведении отразился постепенный переход в конце V в. от империи к королевской власти. Причем, как это обычно и бывает, произведение не только отражало, но и формировало новую реальность, закрепляя ее в риторически выверенном слове.

Во втором параграфе ««*Rex genitus*» Теодорих» рассматривается, какими средствами создает Эннодий литературный портрет, риторический образ главного героя и творца этой новой реальности – короля остготов и правителя Италии Теодориха. Панегирику, написанному Эннодием в честь Теодориха, выпала судьба стать одним из последних примеров в долгой истории лаудативного жанра, однако, по существу, он не похож ни на один из предшествовавших ему образцов. Для сравнения с ним скорее подходят произведения авторов близких по времени к Эннодию, таких, как, например, Авит Вьеннский, или другой уроженец Северной Италии, Венанций Фортунат.

Теодорих – король. Он стал королем по праву рождения, а не вследствие благоприятного стечения жизненных обстоятельств. Эннодий называет его *rex genitus*. С помощью этого определения проводится четкое отличие Теодориха от любых узурпаторов, прежде всего от Одоакра. С другой стороны, королевский титул Теодориха у Эннодия никогда не связывается с управлением определенным народом: Эннодий нигде не говорит о Теодорихе как о *rex Gothorum*. В целом в произведениях Эннодия вообще практически не содержится никаких указаний на готское присутствие в Италии, все, что связано с готами, тщательно заретушировано. Теодорих является королем, потому что, во-первых, он сын короля, во-вторых, потому что он обладает присущими королю от рождения неотъемлемыми природными качествами, и, в-третьих, потому что он развил в себе выдающиеся доблести и достоинства, необходимые королю.

На все эти темы у Эннодия накладывается тема наследственной передачи королевской власти. Королевская власть, являющаяся бесспорной прерогативой и неотъемлемой принадлежностью Теодориха, в каком-то смысле отделяется, абстрагируется от его готского происхождения. Но это ни в коей мере не мешает ей передаваться по наследству. Для Эннодия, королевская власть Теодориха, это не готская королевская власть, управляю-

щая Италией, и которая должна получить свое продолжение. Речь идет о том, чтобы имела продолжение именно власть Теодориха над Италией, а не об обеспечении прочного положения потомкам Тиудимера. Прирожденный правитель, он делает в Италии то, ради чего появился на этот свет, находит здесь исполнение своего предназначения, находит дело, соответствующее его самым честолюбивым ожиданиям и амбициям. Но его власть ограничивается пределами Италии, она не обладает универсализмом императорской власти.

Логическое завершение концепция христианской королевской власти Теодориха получает в Панегирике. Эннодий утверждает, что в характере королевской власти Теодориха есть элемент первенства, превосходства (*princeps*) и религиозная составляющая (*sacerdos*). Теодорих умеет отдавать Богу Богово, и в ответ получает от него успех. *Mansuetudo* представляет собой христианизированную версию *civilitas* или *clementia*. Образ королевской власти обогащается существенным христианским элементом. Власть короля не является сугубо светской, а сам король – не предводитель орд завоевателей. Эта концепция власти, только еще намечающаяся у Эннодия, в недалеком будущем окажется чрезвычайно плодотворной. Таким образом, Эннодий различает два существенных аспекта в королевской власти: первый – назовем его патриотический или национально-италийский, и второй – религиозный, причем последний не существует сам по себе, но является следствием той защиты и покровительства, которое Теодорих оказывал римской церкви.

Позиция Эннодия, как это обычно и бывает в переходные периоды, не свободна от определенной амбивалентности. Историки новейшего времени чаще всего основное внимание уделяли его «имперскому консерватизму». И это действительно так, за доказательствами далеко ходить не надо. Уже на основании Панегирика мы можем составить целый список выражений, типичных для сочинений императорской эпохи: *princeps venerabilis*, *status reipublicae*, *majestas tua*, *numen tuum*. Однако тут же мы видим рождение нового взгляда на короля и королевскую власть. Интересно также отметить, что нигде, даже в Панегирике, Эннодий не стремился вписать Теодориха в череду императоров, скорее, он даже им его противопоставляет. Для него Теодорих это не новый Траян или новый Тит, каковыми он станет позднее для Кассиодора. Масштабная конструкция «*Variae*», отвечающая имперским амбициям Теодориха, порывает с курсом на постепенную и добровольную эволюцию, на которую надеялся и над которой работал Эннодий. Отодвигая на задний план империю и римскую имперскую идеологию, Эннодий пытается соотнести Теодориха с эллинистической традицией и сравнивает его с Александром Македонским. Таким образом, Эннодий включает Теодориха в более широкий философский контекст эллинистической традиции королевской власти, в которой империя оказывается в известном смысле лишь частным случаем. В итоге Теодорих становится вписанным в античную традицию *rex*, дополненную новыми существенными элементами, источником для которых явились италийский патриотизм и христианская мысль.

В **шестой главе** – «*Rex Theodericus princeps. Образ королевской власти в остготской Италии: миф и история*» – рассматриваются теоретические основания королевской власти в Остготском королевстве. Цель данной главы – не показать, как функционировало Остготское государство и что оно собой представляло в реальности, а попытаться очертить тот литературный образ, который это государство получает под пером Кассиодора. В первом разделе «*Флавий Кассиодора: политик в контексте эпохи*» рассматривается политическая биография Кассиодора. Отметим, что «*Variae*» дают нам уникальную возможность увидеть не только то, чем была остготская монархия сама по себе, но и чем она хотела быть, и, наконец, то, какими средствами конструировался или даже режиссировался ее образ одним из наиболее образованных людей эпохи. Именно этот последний аспект интересует нас прежде всего. Иными словами, мы рассмотрим «*Variae*» как попытку вписать новое королевство в традиционную римскую систему ценностей и римскую же систему государственного управления.

При этом следует иметь в виду, что недостаточно разделить конкретную государственную практику, где главной движущей силой был сам Теодорих, и теорию, в которой приоритет отдается риторике Кассиодора. Риторика выступает здесь не как средство передачи стереотипных приемов мышления, а сам Кассиодор оказывается не просто панегиристом, прославляющим принципы государственного строительства, осуществляемые Теодорихом. Риторика Кассиодора не была ни пустой, ни раболопной, поскольку она сама по себе является создательницей определенного образа королевства и идеи королевской власти. Если политические идеи Кассиодора и не провоцировали открытый конфликт с империей, то, по крайней мере, влекли за собой осторожную двусмысленность в «конституционном» плане. Начиная с того момента, когда власть станет осуществляться, соотносясь с идеалами общества и опираясь на божественное покровительство, она получает необходимые условия для легитимизации. Она больше не нуждается в императорском утверждении. Высказанные нами только что соображения напрямую касаются времени правления Теодориха. Однако Кассиодор служил и трем его преемникам: Аталариху, Теодату и Витигису. За те десять лет ситуация кардинально изменилась, и «*Variae*» оказываются наиболее подробным свидетельством того, какие изменения претерпевают за эти годы представления о королевской власти. Идеал просвещенного принцепса не реализовался, и после смерти Теодориха Кассиодор предугадал появление нового типа королевства, где основной акцент будет поставлен на династическом принципе. Фактически до конца, до того, пока еще можно было надеяться на воплощение в жизни его идеала, он оставался, в общем и целом, верен дому Амалов и своим взглядам на судьбы Рима и Италии.

Во втором параграфе ««*Regnum nostrum imitatio vestra est*»: концепция королевской власти Теодориха» отмечается, что основное идеологическое напряжение «*Variae*» заключается в тонкой стилистической игре автора на королевском титуле Теодориха и его преемников. Задача Кассиодора состояла в том, чтобы стереть всякую память о *rex Gothorum* и создать во-

круг титула *rex* систему гармонично связанных с римской традицией ассоциаций. Желая представить Теодориха идеальным сувереном, Кассиодор был вынужден создавать его по императорской модели, так как она представляла тогда собой единственно возможный и допустимый идеал правителя. Кассиодор не копировал напрямую императора. Обнаруживающееся сходство является результатом использования одной и той же модели, одного и того же, сложившегося за века существования греко-римской цивилизации, архетипа. Доказательством служит определенный схематизм и отсутствие индивидуальных черт в портрете Теодориха в «*Variae*». Король обладает всеми добродетелями, которые соответствуют его положению государя римлян. Оппозиция *Romani* и *gentes* или *barbari* заключается в оппозиции двух способов правления, и Теодорих должен соответствовать образу идеального правителя, который зависит от того, кем он правит. Теодорих есть то, что он есть, не потому, что он является представителем императора, а потому, что он управляет римлянами. Кассиодор обращается к далекому прошлому, к эпохе принципата — монархии, соответствующей римским традициям и римскому духу. Легитимность Теодориха проистекает не из императорского назначения, а из следования типу правления, соответствующему национальному самосознанию римлян. Хронологически находясь уже за империей, с точки зрения политической философии мы оказываемся на стадии, предшествующей оформлению политической теории эпохи домината. Модель, которой следует Кассиодор, это модель Траяна.

Мы не рискуем утверждать, что для Кассиодора империя уже не существует как территориальное единство или объединяющее духовное начало. Тем не менее, уловить глухую неприязнь к Византии в «*Variae*» порой можно. В некоторых документах, не предназначенных для передачи в Константинополь, империя часто называется *Oriens* или *Graecia*. Употребление этих географических наименований для обозначения Восточной Римской империи ставит под сомнение признание Константинополя в качестве метрополии. Некоторые политические круги в остготской Италии испытывали, как кажется, недоверие к Константинополю. Италию и Византию можно рассматривать как связанные друг с другом, но фактически независимые государства, объединенные, тем не менее, общими представлениями об идеальной высшей власти.

В третьем параграфе «*Rex Theodericus princeps*» анализируется, по разным источникам, соотношение титулов *rex* и *princeps* применительно к Теодориху. Игра этими титулами часто оказывается средством подчеркнуть политическую автономию Италии от Константинополя. Использование термина *princeps* для обозначения короля косвенно приравнивает Теодориха к императору. Подобное словоупотребление указывает, что Кассиодор рассматривает королевскую власть в остготской Италии как магистратуру. Если принимать во внимания употребление существительных и прилагательным, то именно в период правления Теодориха, и даже несколько позже, термин *princeps* служит в «*Variae*» для указания на политический идеал Кассиодора. Если *princeps* оказался более предпочтительным термином, чем *rex*, то этот выбор был, безусловно, соотнесен с идеалом, выра-

женным в *res publica*. Кассиодор еще находится в плену собственно античных представлений, сохранившихся до Григория Великого, согласно которым, с одной стороны, *res publica, libertas, Romani cives*, а с другой – *gentes, servi* или *subjecti*; с одной стороны, *princeps*, с другой – *rex*. Для рождения идеала соотносимого с собственно *rex* необходимо, чтобы умерли идеи гражданства, политической свободы, образа правления, достойного римлян, вся римская система ценностей, воплощенная в *romanitas*. Искусственное и в значительной степени теоретическое сохранение античных идей, которым характеризуется правление Теодориха, сдерживает появление политического идеала, связанного с *rex*.

В четвертом параграфе «*Функции королевской власти*» рассматриваются все возможные аспекты деятельности монарха в остготской Италии. Для Теодориха было очень важно постоянно подчеркивать, что он одинаково относится как к римлянам, так и к готам. Он стремился быть справедливым правителем для всех своих подданных, старался, чтобы население Италии постоянно ощущало внимание и заботу своего монарха. Судя по «*Variae*», Теодорих принимает самое активное участие в управлении страной, вникая во все проблемы. Он приказывает, советует, поощряет, отчитывает и поучает. С одной стороны, Теодорих провозглашает себя защитником традиционных римских прав и свобод, приверженцем *civilitas*, с другой – власть короля фактически ограничивается только его добрыми намерениями. Король концентрирует в своих руках все нити управления государством. Система управления Италией копирует императорскую систему организации государственной власти.

В пятом параграфе «*Королевская власть в остготской Италии после Теодориха*» речь идет о тех изменениях, которые претерпела идеология королевской власти после смерти Теодориха. Кассиодор, безусловно, надеялся, что систему управления, сложившуюся в предыдущее царствование, можно будет сохранить, а настойчиво повторяющаяся мысль о царственности династии Амалов являлась, с одной стороны, уступкой готам, а с другой, попыткой защитить эту систему от радикально настроенной части готской аристократии. Результаты реакции готов после смерти Теодориха нам хорошо известны. В итоге эта реакция приведет к краху сначала династии, а затем и все королевство. Радикально настроенные готы стремились разорвать молчаливый договор, связывающий Теодориха и его наследников с римлянами. Прославляя род Амалов, Кассиодор вовсе не делал шаг в их сторону, а пытался сражаться с ними на их собственной территории. Он творит красивую легенду, показывая древность рода Амалов и их исконную связь с Римом и империей, стараясь внушить готам уважение к делу, начатому Теодорихом, и заставить продолжать политику, основные идеи которой были для него так дороги. Поэтому мы не видим противоречия в том, что Кассиодор апеллирует к национальной истории готов и одновременно говорит чаще, чем когда бы то ни было, о *bonus princeps*, ссылаясь при этом на Траяна. Он стремится согласовать изменившиеся обстоятельства со своей теорией. Единство и политической карьеры Кассиодора, и литературной композиции «*Variae*» можно наглядно представить себе, если

согласиться с предположением, что путеводной нитью его деятельности и мысли являлась созданная им концепция королевской власти, естественно, претерпевшая существенные изменения почти за сорок лет, но связанная с династической преемственностью в роде Амалов и ориентированная на идеалы принципата.

В **седьмой главе** – «*Иордан и падение дома Амалов*» – нашей целью является понять не только то, как Иордан интерпретирует последние эпизоды готской драмы, но и то, чем вызвано само обращение автора, в столь сложных обстоятельствах, к мифологическому и историческому прошлому народа, стоящего на краю пропасти. В первом параграфе «*Загадки жизни и творчества*» речь идет об основных моментах биографии Иордана и об обстоятельствах, при которых была написана «Гетика». Множество загадок, окружающих фигуру Иордана, оставляют мало надежды на то, чтобы можно было посмотреть на произведение сквозь призму личности его автора. То немногое, что можно извлечь из его сочинения, не сообщает о нем практически никакой информации. Иордан был по происхождению «варваром», уроженцем придунайских областей, и это объясняет выбор латинского языка для написания «Гетики». Его обращение означало, что, оставаясь мирянином, он соблюдал некоторые правила монашеской жизни. Он жил в Константинополе, или, по крайней мере, он какое-то время там находился, что позволило ему перечитать и законспектировать двенадцать книг «Истории готов» Кассиодора. По всей видимости, нам следует согласиться с А. Момильяно, который считает, что Иордан не был персоной первого ряда, ему не была уготована роль выдающегося политика или дипломата. По мнению исследователя, Иордан был переводчиком и послушным орудием в руках той части италийской аристократии, которая бежала в Константинополь, и на чью позицию решающее влияние оказывали Кассиодор и представители знатного рода Анициев.

Иордану присущ «катастрофический» взгляд на историю, в этимологическом смысле этого слова. Он единственный автор, кроме комита Марцеллина, на которого Иордан во многом ориентируется, написавший о падении Западной Римской империи, он же пишет и о падении Амалов. В «*Getica*» основное внимание уделяется перемещению, которое, начавшись на острове Скандза, привело готов в конечном счете к тому, чтобы раствориться в великом потоке человеческой истории. «Гетика» Иордана, хотя мы и говорим о произведении вторичном, тем не менее, оставляет у читателя ощущение целостности своего замысла. Мы не видим в ней ни скорби, ни сожаления, ни раскаяния: нигде не звучит мысль, что падение остготского королевства в Италии это крушение прекрасной возможности, несправедливость судьбы и т.п. Дойдя до той точки, где они сейчас находятся, готы больше не могут иметь собственной истории: они в каком-то смысле исчерпали все возможности, вложенные в судьбу народа. Тотила, взявшись за оружие, восстает не против воли императора, а против воли судьбы. С другой стороны, Иордан подчеркивает, что Тотила не ограничился боями с императорской армией, а обрушился на римлян и на всю Италию, которая, в сущности, и является его королевством. Тем самым автор демонстрирует,

что король отступился от готского прошлого, основанного на дружбе с римлянами: его попытка против воли Провиденья продлить историю готов, оказывается спором с естественным и неизбежным ходом вещей.

Во втором параграфе «*Долгий путь готов*» высказывается предположение, что говорить собственно об истории готов в связи с сочинением Иордана не совсем корректно. То, о чем он повествует, является скорее рассказом о долгом пути народа, который в своем многовековом движении на запад входит в контакт и пересекается с историей других народов. Безусловно, очень соблазнительно предположить, что Иордан действует в интересах императорской пропаганды, стараясь объяснить действия Юстиниана мотивами очень достойными, даже рыцарскими. Но все, что происходит с готами, настолько четко и логично укладывается в общую концепцию, которой придерживается Иордан относительно их судьбы и предназначения, что говорить только о пропагандистских целях не приходится. Окончательная развязка явилась следствием развития всей предшествующей истории готов, а не только ее последнего акта. При этом мы не можем называть Иордана сознательным фальсификатором, он не выдумывает прошлое готов. Речь идет только об угле зрения, об избранном способе изложения и словаре, через которые проявляются его намерения. Автор стремится систематизировать, обобщить и сделать более внятными весьма хаотические данные готской традиции, расположив их в определенном порядке вокруг главной темы: в первом случае таковой был прогресс цивилизации у готов, во втором – величие королевской власти. В то же время Иордан показывает, что он понимает историю готов не как последовательность отдельных эпизодов, но как логично выстроенное целое. С острова Скандза в Италию приходит тот же самый народ, который несет на себе груз своего прошлого и своего предназначения. Начиная с 410 года, развивается заключительная фаза истории готов. Столкновение с империей ощущается теперь как неизбежное. Отныне готы утверждаются в самом сердце империи: вестготы занимают Галлию и Испанию. Вскоре Теодорих установит свою власть над Италией. И это уже конец гонки: *meta cursus*. Судьба готов оказывается более или менее тесно связанной с судьбой империи.

В третьем параграфе «*Теодорих Великий и последний акт готской драмы*» мы подходим к основному вопросу: каким видит Иордан историческое значение остготского королевства в Италии? Многие моменты в «Гетике» свидетельствуют о желании Иордана представить Теодориха не как исключительную личность, которая стремительно ворвалась в римскую историю, чтобы осуществить в ней свое предназначение, ни с чем несравнимое, но как правителя, который выполнял, в свое время и в соответствии со сложившимися обстоятельствами, роль главы народа готов. Иордан хорошо знает, что Теодорих увел за собой только часть своего народа, но речь идет об ударной группе, о тех, кто продолжил предначертанный путь. В течение некоторого времени благодаря Теодориху и небольшому остатку тех, кто последовал за ним, готы еще находились на исторической арене. Единственное новшество состоит в том, что с Теодорихом это желание

выжить сконцентрировалось в одном человеке. Теодорих выступает в этом смысле наследником и воплощением всей готской традиции: он подводит ее итог, и он ее воплощает. Кассиодор стремился заретушировать скрытый конфликт между римлянами и готами. Отсюда прославление Теодориха как великого представителя великой династии. Когда пишет Иордан, эти мечты уже ушли в прошлое. Историка волнуют совершенно иные проблемы. В центре внимания – конфликт между империей и *gens*, т.е. посторонним, чужим народом. Иордан имеет в виду, что конфликт между *gens Gothorum* и *gens Romanorum* это конфликт исконный, источник и причины которого коренятся в происхождении каждого из этих двух народов. Ситуация приближалась к тому, что решить этот конфликт можно было уже только силой оружия. Таким образом, Иордан фактически развеивает иллюзии, порожденные в эпоху правления Теодориха. Смерть Теодориха отмечает для Иордана границу, за которой стремление готов к независимости или, другими словами, но о том же самом, их отказ войти в большую историю, позволив империи поглотить себя, становится преступным. Вывод, к которому приходит Иордан, полностью вытекает из всего предшествующего изложения. Готы, которые, начиная со Скандзы, уклонялись от потока истории, попались в западню, расположившись в Италии. Эта древняя земля не должна была быть завоевана. На этой земле *Regnum Gothorum* разбилось о память об *Imperium Romanum*. Полное отсутствие у Иордана того чувства, которое можно было бы назвать западным патриотизмом, что мы наблюдаем у Авита Вьеннского, у Эннодия, у Сидония Аполлинария, очень примечательно для автора, пишущего на латинском языке. В этих условиях ему было трудно понять мистическую основу союза Теодориха с Италией. Константинополь, в его глазах, – это центр мира, где собираются все народы «подобно пробивающимся со всех сторон волнам, объединенным в общий поток». Рим и Равенна в расчет больше не принимаются. Таким образом, не стоит преувеличивать значение падения Западной Римской империи. Размещение готов в Риме ни в коей мере не означает *translatio regni* в их интересах. Иордан убежден в вечности и универсализме империи. Подобное направление мыслей, которое можно было бы назвать легитимистским, Иордан подкрепляет теорией, опирающейся на историю. Под действия императора в Италии он подводит теоретическую базу, основываясь на собственном толковании истории готов и на своей концепции империи.

В **восьмой главе** – «Нетрадиционность традиции: Венанций Фортунат и поэтический образ королевской власти Меровингов» – речь идет об образе королевской власти у последнего поэта, принадлежащего к большой риторической школе, Венанция Гонория Клементия Фортуната. Основной вопрос, который требует прояснения, заключается в том, какими средствами и из какого материала Венанций Фортунат конструирует свой образ королевской власти. Именно в поиске ответа на этот вопрос и состояла основная задача данной главы. Венанций Фортунат отходит от позднеримской традиции стихотворного панегирика, последними представителями которой были Клавдиан и Сидоний Аполлинарий. Когда поэт обращается к правителям, или когда рассказывает о них, он не прибегает к

средствам какого-то особого языка. Впрочем, может быть, так оно и надо, ведь если королевская власть является одним из элементов общества, пусть важнейшим, но одним из, то зачем говорить о ней как-то иначе, чем о епископах или сановниках. Единство поэтического видения Венанция Фортуната – а, следовательно, и его языка – определяется органическим единством его видения общества в целом.

В первом параграфе «*История и литература в стихотворных сочинениях Венанция Фортуната*» мы обращаемся к трем десяткам стихов из одиннадцати книг *Carmina*, где так или иначе затрагивается тема королевской власти. Надо признать, что если мы хотим употреблять термин с абсолютной точностью, то говорить о панегириках у Венанция Фортуната не следует. Ни одно его сочинение так не называлось, не может сравниваться по тому, как оно выполнено, с панегириками Клавдиана или Сидония Аполлиинария. Впрочем, не вызывает сомнений, что, кроме как в эпиталаме Сигиберту, Венанций Фортунат никогда и не пытался подражать торжественно-официальным стихотворным панегирикам поздней античности. Это доказывает и избранная им стихотворная форма – элегия. Таким образом, мы должны признать, что Венанций Фортунат обращается в своем творчестве к новому жанру – стихотворному восхвалению, – предшественники которого, как представляется, должны быть найдены в литературе вандальской Африки. Вопрос литературной формы здесь очень важен, так как именно требованиями формы объясняется разница содержания традиционного панегирика и стихотворений Венанция Фортуната в честь королей. Панегирики, написанные гексаметром, имеют точки соприкосновения с эпосом, где повествование, историческое содержание, историческое ядро занимают важное место. В то время как в названных стихотворениях Венанция Фортуната нарративная часть либо очень небольшая, либо вовсе отсутствует. Поэта больше интересует личность короля и те чувства, которые он вызывает, нежели совершенные им деяния. Может быть, впрочем, он поступает так по необходимости, ибо эпический материал в биографиях преемников Хлодвигу найти, прямо скажем, непросто.

Историческое содержание, которое скрывается за панегирическим фасадом сочинений Венанция Фортуната, состоит не из великих сражений, но из дипломатических комбинаций, междоусобного соперничества, братоубийственных войн, заговоров, интриг, прочих темных и деликатных сюжетов, которые лучше было излагать в элегических дистихах, нежели в героических гексаметрах, и скорее намеками, нежели амплификацией. Большой заслугой Венанция Фортуната является то, что он не пытался уклониться от трудностей неприятного сюжета. Он всегда излагал сюжет правдоподобно, уважая, в основных линиях, психологию своих персонажей, в полном соответствии с правилами античной риторики. Конечно, он преувеличивал некоторые детали, но он их не выдумывал, или, что было бы еще хуже, он воздерживался от приведения своему материалу мифологических параллелей. И в то же самое время, мы можем оценить, какое место занимает в сочинениях Венанция Фортуната династия Меровингов, че-

му и посвящен второй параграф «*Короли династии Меровингов: портреты на фоне эпохи*».

В панегириках Венанция Фортуната содержится некоторое количество подтекстов, аллюзий на современные ему события, которые не должны были ускользать от понимания современников. Однако когда мы приступаем к рассмотрению портретов королей, содержащиеся в этих панегириках, нам приходится констатировать чрезвычайно высокую степень единообразия. Естественно, Венанций Фортунат очень далек от специфического реализма Григория Турского. Бесполезно искать у него, что отличает Сигиберта от Хариберта, и их двоих – от Хильперика. Применительно к ним троим, одинаково говорится об их справедливости, мужественности, щедрости и т.п. Самое значительное отличие состоит в том, что автор отдельно хвалит литературную одаренность Хильперика. И если при всем том, все три панегирика существенно различаются между собой, то это объясняется отнюдь не тем, что героями являются разные монархи. Ибо в основе всех трех панегириков лежит один и тот же образ идеального правителя. Однако этот идеальный монарх рассматривается под разными углами зрения благодаря различным литературным приемам. Сказывается так же и то, что образ короля, без ощутимых модификаций все же варьируется в зависимости, как от литературной эволюции поэта, так и от обстоятельств, в которых он находится. Таким образом, необходимо реконструировать в первую очередь то, что можно назвать духовной атмосферой каждого сочинения.

В третьем параграфе «*Король в галльском обществе эпохи Меровингов*» рассматривается образ короля таким, каким он предстает в произведениях Венанция Фортуната не сам по себе, а в связях и отношениях с обществом, епископами, знатью, народом. *Rex* и *princeps* это те два слова, которые чаще всего используются для обозначения короля; однако *rex* встречается гораздо чаще, как, впрочем, и у Григория Турского. *Princeps* употребляется только двенадцать раз, чаще всего в панегирике Хильперiku. В этом же значении мы встречаем *rector*, также как и множественное число *regna* в значении *reges*, впрочем, подобные примеры были и в классической латыни. Венанций Фортунат, безусловно, не теоретик власти. Конечно, у него есть представление о том, какими качествами должен обладать хороший правитель: *pietas*, *bonitas*, *gravitas*. Как видим, набор довольно банален. Он всегда подчеркивает справедливость правителей. Однако гораздо отчетливее, чем в описаниях правителей, его личные представления о королевской власти проявляются в выборе слов. Для Венанция Фортуната слово *rex* означало не только высшую власть в Галлии его времени, но оно также включает в себя воплощение целого комплекса философских и морально-этических понятий, объединяемых некой гармоничной целостностью. Кроме того, для Венанция Фортуната в понятии *rex* соединяются две взаимодополняющие идеи, которые часто повторяются: идея *dominus* и идея *pater*. Политический идеал Венанция Фортуната – это патриархальная королевская власть. Может быть, именно в этом следует искать глубинные основания того, что его так мало интересует Хлодвиг. Его муза не вдохновляется славой оружия. И когда он вынужден об этом говорить, можно сказать, он

делает это скрепя сердце. Его риторика сглаживает впечатление, которое могли бы произвести военные успехи правителя на формирование образа короля. Основные функции короля – это управлять (*regere*) и защищать (*tueri*): подобное понимание, столь же простое, как и этимология титула *rex*, исключает всякие соображения престижа, военных предприятий, стремления к личной славе.

Вместе с Венанцием Фортунатом в Галлию проникает и там утверждается теория христианской королевской власти, отвечающая запросам эпохи. На очень многое ему удалось взглянуть изнутри, понять и ощутить гораздо глубже, чем Григорию Турскому. Венанций Фортунат сумел выявить и подчеркнуть религиозно-этические основания той системы, на которую Григорий Турский всегда поглядывал с подозрением. Конечно, Венанций Фортунат очень вольно обращался с фактами. Но если рассматривать созданный ими образ эпохи на предмет его соответствия истине смысла, то как раз Венанций Фортунат окажется историком, а Григорий Турский – поэтом.

В **девятой главе** – «Григорий Великий и новый миропорядок» – рассматривается новый этап в истории представлений о сущности и роли королевской власти в государствах, возникших на территории Западной Римской империи, начавшийся с Григория Великого. Именно в это время после разнообразных опытов и теоретических построений концепция христианской королевской власти обретает законченную форму, которая, конечно же, еще будет уточняться и развиваться в течение всего средневековья, но ее основные положения и контуры останутся уже неизменными. Именно сочинения Григория Великого, взятые в их совокупности, сформировали тот образ мысли и способ восприятия окружающего мира, на которые ориентировалось все средневековье, и которые оказали существеннейшее влияние на все сферы духовной и общественной жизни, включая политическую. Заслуга Григория Великого состояла в том, что он сумел подняться над конкретными, исторически обусловленными условиями, и предложить своим современникам целостную концепцию человека и мира, основанную на принципах и ценностях христианства, в которой, в силу в том числе и его личного опыта, размышления над природой, сущностью и функциями власти занимали важное место. Из писем перед нами вырастает образ папы Григория Великого, внимательно изучающего королевскую власть, стремящегося определить ее этические основы, ее телеологический смысл. Таким образом, Григорий Великий, волею судеб оказавшийся в точке пересечения империи и королевской власти, оказывается исключительно чутким и беспристрастным свидетелем продолжающегося состязания между этими двумя типами и формами власти.

В первом параграфе «Григорий Великий между империей и варварскими королевствами» мы стремились показать, каким образом Григорий Великий определял место королевской власти в общем порядке мироздания. Все время пребывания его римским епископом Григорию постоянно приходилось балансировать между верностью старому порядку и осознанием необходимости перехода к новому мироустройству, между Западом и

Востоком. Его карьера строилась между этими двумя полюсами. Конфликт, разразившийся между императором Маврикием и папой Григорием, имеет очень глубокие корни, причины его лежат отнюдь не на поверхности, да и сам он, по сути дела, является частным случаем в долгой истории противостояния и соперничества Востока и Запада. Маврикий был верным и последовательным продолжателем дела Юстиниана и его политики отвоевания территорий у варварских королевств. Григорий, без сомнения, считал эту политику мало реалистичной. Кроме того, от его понимания не ускользало, что сама империя уже давно стала скорее восточной, нежели Римской. Окончательная реставрация империи в Италии обещала обернуться господством греков над римлянами. Перед лицом этой империи, в которой он явно чувствовал себя неуютно, Григорий видит подъем западных королевств и понимает, что должен выстраивать с ними отношения, должен развернуться к ним, именно к новым королевствам и их правителям, а не к варварам. Григорий является слишком римлянином, он слишком пронизан идеями и традициями римской государственности, чтобы позволить себе впасть в наивную апологию по образцу Сальвиана. Он обращается к королям и королевам, надеется и рассчитывает на их сотрудничество и поддержку, чтобы через них оказывать влияние на духовенство и народ. Новизна этого типа отношений, новизна самого подхода Григория к сотрудничеству с правителями варварских королевств, как кажется, недостаточно отмечена исследователями.

В первую очередь, политика, выстраиваемая Григорием на западном направлении, является его реакцией на разочарование империей. Моральный авторитет *sanctissima Respublica*, как говорил Григорий, теперь подкреплялся полностью христианизированным Западом, подконтрольным в делах духовным апостольскому престолу. В сложившемся раскладе короли романо-варварских королевств Запада начинают играть далеко не последнюю роль. Григорий стремится их просвещать, давать им советы, а при случае не забывает и польстить. На фоне империи, он не просто наблюдает, но активно участвует в становлении нового единого христианского мира, включающего в себя прежде абсолютно разрозненные королевства. Империя – это огромный механизм, очень старый, не склонный к сомнениям, а уж тем более к покаянию, все помыслы которого связаны исключительно с этим миром, что всегда приводит к неизбежным конфликтам с Богом или его служителями. Королевская же власть – институт молодой, формирующийся, легче поддающийся влиянию. При этом, например, королевская власть у вестготов непосредственно освящена кровью мученика. Однако, мы должны особо отметить, что интерес, проявленный Григорием к установлению тесных контактов с правителями новых королевств на Западе, сам по себе совершенно еще не означает, что Григорий когда-либо отказывался считать империю предпочтительной и наиболее достойной формой политической организации.

Во втором параграфе «Григорий Великий и идея империи» мы ставим своей целью исследовать, чем была империя для Григория. Уже сам язык, который Григорий обычно использует, чтобы говорить об империи, служит

безусловным доказательством того, что эта тема для него чрезвычайно важна, а империя занимает исключительное положение в его теоретических построениях. Он определяет ее такими словами, как: *sancta, pia* или *christiana respublica, christianissimum imperium*. Империи, по крайней мере, в теории, присуще качество всемирности, универсальности. По представлениям Григория, фигура императора необходима для существования этого мира, для нормального функционирования всего универсума. По мнению Григория, существуют две опоры, два принципа, гарантирующие сохранение универсального характера единого мира: Церковь и император. Согласно концепции Григория, универсализм является также неотъемлемым атрибутом Церкви, и ни один патриарх не может претендовать на то, чтобы быть единственным воплощением этого атрибута. Ведь, в конечном счете, патриарх Константинопольский стремится именно к тому, чтобы, используя в свою пользу этот универсализм Церкви, основать для себя духовную империю. Если ему позволить это сделать, то у императора появится конкурент. Чрезвычайно показательно, что Григорий Великий выступает в этом вопросе с позиций, как бы заранее возражая против претензий на универсальный суверенитет в духовных делах, на который будут претендовать его собственные преемники, что и приведет, в конечном итоге, к хорошо известному противостоянию между империей и западным патриархатом, более известным как папство. Так что тезис о том, что Григорий скорее является последним папой античности, нежели первым папой средневековья, получает весомое подтверждение.

Таким образом, Григорий стремится утвердить свою веру в универсальную империю, прекрасную теорию, хрупкость которой на практике он прекрасно понимает. Обращаясь к творениям Блаженного Августина, обращаясь к Библии, Григорий возводит новое здание. В конечном счете, Григорий творит новый образ политического сообщества. И если в этой новой конструкции империя продолжает существовать, то уже не как историческое наследие прошлого, но как необходимость, проистекающая из общего миропорядка. Основанный на морально-этических нормах идеал *rex* будет центром этой концепции. Мы находимся в той временной точке, когда после веков ожидания и обманутых надежд христианство уже в состоянии вдохновить новую политическую теорию.

В третьем параграфе «Концепция власти в сочинениях Григория Великого» рассматривается теория происхождения и конца власти, которую предлагает Григорий, вновь обратившийся к патристической традиции, исходя из Священного писания и из здравого смысла. С Григорием Великим вновь возрождается традиция теоретической мысли, перенесенной в политическую сферу, восходящая к античной философской традиции. Политическая деятельность Григория Великого, заключалась не только в исполнении обязанностей римского епископа и главы христианского мира Запада, но также и в построении своей политической теории. Эта теория не ориентирована на конкретные личности или общественные институты, она включает в свою орбиту самые разные политические формы, не делая, как правило, различий между империей и королевской властью. Требования,

формулируемые им, относятся как к одной, так и к другой. Обязательные для следования правила распространяются и на императора, и на королей, и на епископов. Характерной чертой политической мысли Григория является стремление к унификации, которое не стоит, однако, путать с теократическими интенциями. В первую очередь данное обстоятельство зависит от того факта, что Григорий в своих построениях исходит из идеи *служения*: король, император или епископ имеют одних и тех же подданных, и чтобы заботиться об их благе, уважая их достоинство, методы также должны быть одинаковыми. Григория чрезвычайно волнует проблема выполнения этих общих правил еще и потому, что власть не должна вредить тем, кто ей обладает. Ибо, какой бы ни была власть, она подвергает своих носителей одним и тем же опасностям.

Григорий уделяет очень большое внимание этической проблематике власти, характеристике тех этических норм, которым должны следовать власть имущие, причем рассмотрение этих норм происходит в двух аспектах: по отношению к другим, т.е. к зависимым, и по отношению к самим себе. Григорий, первый автор со времени падения Западной Римской империи, который начал творить свою политическую теорию на основе Священного Писания, который вновь обратился к патристической традиции, основательно забытой на Западе, и внимательно отнесся к сочинениям Блаженного Августина.

В четвертом параграфе «*Христианская королевская власть и концепция миропорядка в сочинениях Григория Великого*» рассматривается, прежде всего, каким образом соотносятся у Григория королевская власть и святость. То, что королевская власть имеет самое непосредственное отношение к святости, напрямую проистекает из принципа, приведенного нами выше: власть хороша сама по себе и заслуживает достойного воздаяния, если ею правильно распоряжаются. Однако не стоит забывать, что в своих аллегорических толкованиях, Григорий часто описывает королей как некое подобие святых. Подобная метафорическая или аллегорическая интерпретация *rex* придумана не Григорием. Она имеет свои истоки, как в языческой традиции, так и в христианской: Царство Божие сближается здесь с представлениями о царской власти стоического мудреца. Аллегорическая интерпретация *rex* и героическое мученичество Герменегильда наглядно свидетельствуют, что королевская власть находится в точке пересечения многочисленных силовых линий, иногда осознавая это, иногда нет. Цель Григория – придать королевской власти новое содержание. И это новое содержание рождается на стыке двух сфер. Первая – земная, человеческая, где король осуществляет свои функции и является воплощением угодной Богу власти, направленной на борьбу со злом. И затем, имеется сфера духовная, где король причастен к божественной королевской власти, отражением которой он становится. С одной стороны, светская королевская власть, ограниченная во времени, необходима для подданных, но подвергает своего обладателя риску погубить свою душу. С другой стороны, королевская власть есть предопределение свыше, призыв к совершенству и к Вечному Царству. Согласно этой концепции короли являются столпами,

опорами мироздания: как это традиционно в античности, архитектурный, строительный образ используется для описания мироустройства.

Конечно, разумная осмотрительность не позволяла Григорию слишком определенно делать столь далеко идущие выводы. Хотя момент соответствовал тому, что мы могли бы назвать процессом перераспределения политических ценностей. Григорий не был, тем не менее, сухим прагматиком, сумевшим уловить веяния времени и угадать политические потребности. Напротив, достойно удивления, что его видение королевской власти прекрасно гармонирует с его концепцией мироздания. В политической теории Григория король становится одним из важнейших, и даже необходимых, наряду с епископом, элементов мироустройства. Григорий, таким образом, начал прокладывать путь, которому суждено было стать магистральным, по которому в наступающем средневековье пойдут и во Франции, и в Англии, и в Испании, путь разума, без крайностей и крутых виражей, путь, который в итоге приведет к национальным государствам. И рядом с ним Каролинги предложат иной путь, по которому папа и император должны будут идти рука об руку, чтобы сообща править миром.

В **Заключении** суммируются выводы и подводятся общие итоги исследования. В данной работе мы попытались с помощью междисциплинарного анализа нарративных источников не только обрисовать общественные и культурные импликации формирования нового образа власти на Западе, но и показать, что рассмотрение этого образа в его социальном, политическом и культурном контексте, или, иначе говоря, «реконтекстуализация» этого образа, может привести нас к немаловажным выводам об особенностях общественного сознания, детерминировавших жизнь в регионах, представлявших собой исторический центр антично-римской цивилизации.

Диссертационное исследование посвящено людям закатной поры, писателям, государственным и церковным деятелям, историкам, теологам, их жизни, мироощущению, наследию. В то же время это работа о преодолении распада государства, культуры, наконец, цивилизованного мира; о вспомоществовании рождению нового мира и новой культуры, которое осуществили интеллектуалы, сумевшие – нет, не остановить разрушение, – но в этих условиях «переплавить» знание, перестроить самое мышление, переосмыслить систему образов, заставить служить слово созиданию культурного пространства и, в конечном итоге, убедить варваров – новых хозяев истории – в том, что им нужна почва в виде наследия великой цивилизации, ибо только так можно было преодолеть гибельный хаос и дать будущее этим молодым народам.

Полностью сложившая концепция королевской власти в том виде, в каком ее унаследуют средние века, покоится на трех основаниях: суверенное *regnum*, философский идеал *rex* и идея христианской королевской власти. Тот факт, что тот или иной аспект особо выделен, зависит от конкретной политической ситуации, от личности и темперамента автора, а также от законов того жанра, в котором он творил. Сопоставление текстов Сидония Аполлинария, Авита Вьеннского, Эннодия, Кассиодора, Венанция Фортуната и Григория Великого позволяет лучше понять значение каждого

из них. Взятые по отдельности, они являются отражением индивидуально-го опыта автора, но, взятые в своей совокупности и последовательности, они выражают, при всех различиях, единую цель служения западной *romanitas*. Безусловно, не случайно, что у каждого из них становление нового типа власти на Западе вызывало активное движение мысли. Мы видим в этом проявление глубинной тенденции римского сознания и знак преемственности переходной позднеантичной культуры с предыдущими эпохами.

В нарративных памятниках отражается интеллектуальная активность эпохи. Для рассматриваемых нами авторов бесспорен тот факт, что они живут в решающий момент истории, в котором римская традиция загорается своими последними огнями, готова и освещая путь в будущее. Несколько человек, сочинения которым мы исследовали в нашей работе, являются лишь малой частью из тех, кто трудился, чтобы сделать возможным и переносимым переход от империи к королевской власти. Если верно утверждение, что история состоит только из переходных эпох, тогда конец V и VI век являются таковыми *par excellence*. Ни одно из тех королевств, которые произошли непосредственно от угасающей империи, не сохранилось. Впрочем, во времена их порой эфемерного господства западный мир закалил свою душу. Черпая силы в непрерывной многовековой традиции, он сумел сохранить свою особость, и, сопротивляясь двум искушениям, «империи» и «германству», заложил основы будущего Европы: христианскую и национальную королевскую власть.

**Основные положения диссертации
изложены в следующих публикациях:**

Монографии:

1. Шкаренков П.П. Королевская власть в Остготской Италии по «*Variae*» Кассиодора: миф, образ, реальность / П.П. Шкаренков. М.: РГГУ, 2003. 140 с. (7,5 п.л.)
2. Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. / П.П. Шкаренков. М.: РГГУ, 2004. 270 с. (18,5 п.л.)

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:

3. Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью / П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник. 2004. № 2. С. 5–35 (2 п.л.)
4. Шкаренков П.П. *Translatio imperii*: Флавий Кассиодор и римская традиция в Остготской Италии / П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник. 2005. № 2. С. 5–22 (1 п.л.)
5. Шкаренков П.П. *Flavii Cassiodori vita ac iter*: ритор и риторическая традиция на рубеже античности и средневековья / П.П. Шкаренков // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 9. С. 83–102 (1,1 п.л.)

6. Шкаренков П.П. Картина мира и риторический нарратив в сочинениях латинских авторов поздней античности и раннего средневековья / П.П. Шкаренков // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 9. С. 227–253 (1,5 п.л.)
7. Шкаренков П.П. «Римский миф» на рубеже эпох: историческая память и риторический нарратив / П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 20–30 (0,7 п.л.)
8. Шкаренков П.П. Падение Римской империи: стереотипы историографии и новое прочтение источников / П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 233–239 (0,5 п.л.)
9. Шкаренков П.П. Theodericus rex genitus в концепции королевской власти Эннодия: риторико-стилистическая стратегия и национальная идеология / П.П. Шкаренков // Диалог со временем. 2008. № 25.1. С. 353–376 (1,2 п.л.)
10. Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора – памятник переходной эпохи / П.П. Шкаренков // Диалог со временем. 2008. № 25.2. С. 305–342 (2 п.л.)
11. Шкаренков П.П. Римская традиция образа идеального правителя в Остготской Италии / П.П. Шкаренков // Вестник древней истории. 2008. № 4. С. 157–172 (1,2 п.л.)
12. Шкаренков П.П. «Vita Eriphani» Эннодия: риторический дискурс и формирование символического образа власти в остготской Италии / П.П. Шкаренков // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 12. С. 81–114 (1,5 п.л.)
13. Кассиодор. Variae (фрагменты) / Перевод с латинского, вступительная статья и примечания П.П. Шкаренкова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 12. С. 231–252 (1,2 п.л.)
14. Шкаренков П.П. Образ идеального правителя в латинской риторической традиции II–V в. / П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник. 2008. № 2. С. 5–16 (0,9 п.л.)

Статьи:

15. Шкаренков П.П. Римский сенат по письмам Квинта Аврелия Симмаха / П.П. Шкаренков // Власть, человек, общество в античном мире: Сб. научных трудов / ИВИ РАН. М., 1997. С. 285–295 (0,6 п.л.)
16. Шкаренков П.П. Письма Симмаха как историко-культурный феномен / П.П. Шкаренков // Текст в гуманитарном знании: Сб. научных статей / РГГУ. М., 1997. С. 36–46 (0,5 п.л.)
17. Шкаренков П.П. Квинт Аврелий Симмах: риторика и политика / П.П. Шкаренков // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 154–159 (0,5 п.л.)
18. Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры / П.П. Шкаренков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории: Вып. 2 / ИВИ РАН. М., 2000. С. 95–109 (1,1 п.л.)
19. Шкаренков П.П. Историческая реальность и ее риторическое воспроизведение в поздней античности (на примере посланий Квинта Аврелия Симмаха) / П.П. Шкаренков // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования / РГГУ. 2000. № 8/9. С. 142–145 (0,5 п.л.)
20. Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора в зеркале риторики: к вопросу о рефлексии стиля в позднеримской риторической традиции / П.П. Шкаренков // Парадигмы: Сб. научных работ / ТГУ. Тверь, 2000. С. 6–15 (0,6 п.л.)

21. Шкаренков П.П. Флавий Кассиодор в зеркале риторики (на примере «Variae») / П.П. Шкаренков // Зеркало истории: Личность в истории: Сб. статей. Вып. 4 / РГГУ. М., 2000. С. 9–19 (0,6 п.л.)
22. Шкаренков П.П. Римский сенат и сенаторская аристократия в Остготской Италии / П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник. 2001. № 2. С. 45–63 (1,2 п.л.)
23. Шкаренков П.П. Римский аристократ «эпохи упадка»: Квинт Аврелий Симмах / П.П. Шкаренков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6 / ИВИ РАН. М., 2001. С. 220–241 (1,5 п.л.)
24. Шкаренков П.П. Античный город в «Variae» Кассиодора: риторический образ и исторический нарратив / П.П. Шкаренков // Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы научной конференции. Москва, 4–6 декабря 2001 г. / ИВИ РАН. М., 2001. С. 171–175 (0,25 п.л.)
25. Шкаренков П.П. Rex Theodericus princeps: формирование концепции королевской власти в Остготской Италии / П.П. Шкаренков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7 / ИВИ РАН. М., 2001. С. 184–206 (1,5 п.л.)
26. Шкаренков П.П. Флавий Кассиодор: римский сенатор в эпоху крушения Империи / П.П. Шкаренков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8 / ИВИ РАН. М., 2002. С. 391–407 (1 п.л.)
27. Шкаренков П.П. Германец – princeps rei publicae / П.П. Шкаренков // Диалог культур – культура диалога: Сб. научных статей / РГГУ. М., 2002. С. 201–223 (1,2 п.л.)
28. Шкаренков П.П. Риторический стиль и конструирование исторической реальности на рубеже античности и средневековья / П.П. Шкаренков // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования. 2002. № 10. С. 24–31 (0,8 п.л.)
29. Шкаренков П.П. «Persuade et impera»: риторика власти и политическая эмблематика на рубеже античности и средних веков / П.П. Шкаренков // XX век и русская литература. Alba regina philologiae: Сборник научных трудов / РГГУ. М., 2002. С. 323–346 (1,1 п.л.)
30. Шкаренков П.П. Латинские риторические сочинения на рубеже античности и Средневековья: проблемы текстологического изучения / П.П. Шкаренков // Эдиционная практика и проблемы текстологии: Доклады и сообщения всероссийской конференции / РГГУ. М., 2002. С. 32–53 (1,3 п.л.)
31. Шкаренков П.П. Правовые основы королевской власти в Остготской Италии / П.П. Шкаренков // Правовое обеспечение устойчивого развития российского общества: Доклады и сообщения III международной, научно-практической конференции / РГГУ. М., 2003. С. 124–129 (0,25 п.л.)
32. Шкаренков П.П. «Translator temporis». Виктория Ивановна Уколова – человек, ученый, педагог / П.П. Шкаренков // Средние века / ИВИ РАН. Вып. 65. М., 2004. С. 174–198 (1,5 п.л.)
33. Шкаренков П.П. «Regnum nostrum imitatio vestra est»: Формирование политической концепции королевской власти на рубеже античности и средневековья / П.П. Шкаренков // Кентавр/Centaurus. Studia classica et mediaevalia. Вып. 1 / РГГУ. М., 2004. С. 81–109 (1,5 п.л.)
34. Шкаренков П.П. «Последние римляне»: Квинт Аврелий Симмах и Кассиодор Сенатор / П.П. Шкаренков // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 607–640. (2,2 п.л.)

35. Шкаренков П.П. Риторический стиль и политическая мифология на рубеже античности и Средневековья / П.П. Шкаренков // Контрапункт: книга статей памяти Г.А. Белой / РГГУ. М., 2005. С. 342–356 (1 п.л.)
36. Шкаренков П.П. Письмо в поздней античности (на примере писем Квинта Аврелия Симмаха) / П.П. Шкаренков // Дискурсивность и художественность. К 60-летию В.И. Тюпы: Сборник научных трудов / РГГУ. М., 2005. С. 172–181 (0,5 п.л.)
37. Шкаренков П.П. Алтарь Победы: риторический дискурс и религиозно-политическая борьба в поздней Римской империи / П.П. Шкаренков // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования / РГГУ. 2005. № 12/13. С. 36–49 (1 п.л.)
38. Шкаренков П.П. Мифология исторической памяти на рубеже античности и средневековья / П.П. Шкаренков // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 138–179 (3 п.л.)
39. Шкаренков П.П. От *raex romana* к *raex christiana*. Религия и политика в культуре поздней Римской империи / П.П. Шкаренков // «...Лучших строк поводырь, проводник просвещения, лучший читатель!»: Книга памяти А.М. Зверева / РГГУ. М., 2006. С. 127–149 (1 п.л.)
40. Шкаренков П.П. Эволюция языка и стиля латинских авторов на рубеже Античности и Средневековья / П.П. Шкаренков // Филологический журнал. 2007. № 2. С. 144–160 (1 п.л.)
41. Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора как памятник переходной эпохи (язык, стиль и историческая память) / П.П. Шкаренков // В свете исторической поэтики...: Книга памяти Самсона Наумовича Бройтмана: статьи и воспоминания / РГГУ. М., 2008. С. 268–290 (1,3 п.л.)
42. Шкаренков П.П. Флавий Кассиодор: портрет на фоне эпохи / П.П. Шкаренков // Кентавр/Centaurus. Studia classica et mediaevalia. Вып. 4 / РГГУ. М., 2008. С. 69–85 (1 п.л.)
43. Шкаренков П.П. Язык риторической мысли (к вопросу о трансформации латинского языка в поздней античности) / П.П. Шкаренков // Discipuli Magistro: К 80-летию Н.А. Федорова / РГГУ. М., 2008. С. 170–180 (0,5 п.л.)
44. Шкаренков П.П. Roma Aeterna: риторический образ «римского мифа» на рубеже времен / П.П. Шкаренков // Новый филологический вестник. 2008. № 1. С. 10–21 (0,7 п.л.)
45. Шкаренков П.П. Между риторикой, историей и политикой: образ короля и королевской власти в «Панегирике Теодориху» Эннодия / П.П. Шкаренков // Новый филологический вестник. 2008. № 2. С. 122–142 (1,2 п.л.)